Столярова Э.О.,
Аубакирова Ж.С.,
Алексеенко А.Н.

РЕПРОДУКТИВНЫЕ И МИГРАЦИОННЫЕ УСТАНОВКИ СОВРЕМЕННОЙ КАЗАХСТАНСКОЙ МОЛОДЕЖИ

СБОРНИК МЕТОДИЧЕСКИХ И АНАЛИТИЧЕСКИХ
МАТЕРИАЛОВ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Усть-Каменогорск, 2021

Столярова Э.О., Аубакирова Ж.С., Алексеенко А.Н.

РЕПРОДУКТИВНЫЕ И МИГРАЦИОННЫЕ УСТАНОВКИ СОВРЕМЕННОЙ КАЗАХСТАНСКОЙ МОЛОДЕЖИ

СБОРНИК МЕТОДИЧЕСКИХ И АНАЛИТИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

в рамках реализации грантового научного проекта AP08856205
«Оценка уровня демографической безопасности
Республики Казахстан»,
финансируемого Комитетом науки МОН РК

Усть-Каменогорск, 2021

УДК 316
ББК 60.5
Р 41

Сборник методических и аналитических материалов разработан по результатам социологического исследования «Репродуктивные и миграционные установки современной казахстанской молодежи» в рамках реализации проекта №315/2020 «Оценка уровня демографической безопасности Республики Казахстан», финансируемого Комитетом науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (грант AP08856205)

Столярова Э.О., Аубакирова Ж.С., Алексеенко А.Н. Репродуктивные и миграционные установки современной казахстанской молодежи. Сборник методических и аналитических материалов социологического исследования. – Усть-Каменогорск: Издательство «Медиа-Альянс», 2021. - 82 с.

ISBN: 978-601-7887-61-2

Издание содержит публикацию результатов социологического исследования «Репродуктивные и миграционные установки современной казахстанской молодежи». В нем излагаются выводы по анализу репродуктивных и миграционных установок казахстанской молодежи, а также рассматриваются факторы, влияющие на потенциальные и реальные демографические угрозы в Казахстане, выявленные с учетом региональных особенностей. На основе полученных данных разработаны возможные сценарии протекания социально-демографических процессов при условии реализации выявленных репродуктивных и миграционных установок. Издание предназначено для уполномоченных государственных структур, общественных организаций, учебных заведений, широкого круга читателей.

ISBN: 978-601-7887-61-2

УДК 316
ББК 60.5

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Актуальная ситуация. Казахстан – стратегически важный регион в евразийском пространстве. Имеет огромную территорию при низкой плотности населения и территориально граничит с такими «демографическими тяжеловесами» как Россия, Китай и Узбекистан. Демографическая безопасность определяет уровень защищенности жизненно важных демографических процессов от реальных и потенциальных угроз.

Население, наряду с территорией, – это важнейший сущностный признак государства. Количественный и качественный состав населения – это динамическая система, возникающая и изменяющаяся в ходе демографических процессов и под воздействием демографических закономерностей. Таким образом, демографическая безопасность (устойчивость, предсказуемость, регулируемость демографических процессов) является неотъемлемой частью государственной безопасности.

В свою очередь, демографические процессы реализуются в двух основных формах: естественное движение населения или процесс воспроизводства (сочетание субпроцессов смертности и рождаемости) и механического движения или миграций (внешних и внутренних).

Соответственно, для каждой формы в отдельности и для их сочетания потенциально возможны как позитивные сценарии развития, так и риски, при определенных обстоятельствах, способные перерасти в угрозы демографической и государственной безопасности.

В современных условиях на демографические процессы в Казахстане оказывают влияние ряд факторов, которые можно условно разделить на две группы:

- универсальные: возрастная структура и состояние здоровья населения;

- специфические, характерные для современного этапа развития: становление суверенной демографической системы на моноэтничной основе, быстрые темпы урбанизации и изменения структуры населения с точки зрения соотношения «сельское-го-

родское», развитие демографических процессов в контексте социально-экономических программ.

Демографические процессы под влиянием различных факторов могут порождать возникновение демографических и социальных рисков. К таким рискам относятся следующие явления:

- слишком низкие или слишком высокие темпы рождаемости, которые в перспективе приводят к дисбалансу возрастной структуры;

- превышение показателей смертности по отношению к показателям рождаемости (ситуация депопуляции);

- нарушение баланса демографической возрастно-половой структуры (значимое превышение численности младших и/или старших возрастных групп по отношению к численности экономически активного населения);

- неконтролируемые миграционные потоки (внутренние и внешние):

- под влиянием социально-экономического фактора идет концентрация населения в нескольких точках роста. В результате чего может произойти потеря контроля над территорией, оголение приграничных регионов.

Современное демографическое развитие Казахстана сопровождается как открытием новых социально-экономических и социокультурных возможностей в условиях урбанизации населения, так и возникновением новых рисков, отражающих влияние глобальных и региональных факторов.

Операционализация основных понятий исследования:

Репродуктивные установки – это психическое состояние личности, которым обусловлена взаимная согласованность разного рода действий, характеризующихся позитивным или негативным отношением к рождению определенного количества детей.

Типы репродуктивных установок:

- установки детности, которыми регулируется достижение определенного количества детей. Данный класс включает установки на благополучный исход беременностей, на протогенетические (в период между заключением брака и рождением первенца) и интергенетические (периоды между рождением детей) интервалы,

установка на определенный пол ребенка, установка на усыновление или удочерение, то есть адаптационные; установки на использование контрацептивов и искусственное прерывание беременности;

- установки на использование контрацептивов и искусственное прерывание беременности.

Миграционные установки – это элемент самосознания личности, определяющий отношение к территориальной мобильности в пределах или за пределы одного государства с разными целями: смена постоянного места жительства, временное (контрактное) трудоустройство, обучение/повышение профессиональной квалификации/стажировка и др.

Типы миграционных установок:

- установка на мобильность;
- установка на отказ от мобильности.

Степень осознанности и сформированности миграционных установок может различаться: потенциальная готовность к мобильности (допускается мысль о мобильности при наличии определенных условий), актуальная готовность к мобильности (предпринимаются конкретные шаги для осуществления мобильности), адаптационная стадия (адаптация к новому месту проживания).

Демографические факторы, риски, угрозы.

Факторы – объективное состояние, причины, движущая сила какого-либо процесса, определяющие его характер или отдельные его черты, при взаимодействии их между собой возникают риски. При разном сочетании факторов могут возникать новые риски.

Катализатор факторов – политический, экономический (программы социально-экономического развития, демографические программы, решения в области миграционной политики и т. д.). Факторы могут соединяться, сочетаться между собой определенным образом и приводить к возникновению рисков, которые при определенных обстоятельствах могут превращаться в угрозы, т. е. при определенных обстоятельствах риски могут обостряться и стать угрозами.

Цель социологического исследования - анализ репродуктивных и миграционных установок казахстанской молодежи как факторов, влияющих на потенциальные и реальные демографические угрозы в Казахстане с учетом региональных особенностей.

Задачи:

1. Изучение репродуктивных установок.

1.1 Распространение репродуктивных установок разного типа: традиционных (многодетность), модернизированных (малодетность, среднедетность или отказ от репродукции) и степень их внутренней осознанности респондентами.

1.2 Выявление мотивационной основы репродуктивных установок: объективные причины (влияние внешней среды) и субъективные причины (влияние семьи и ближайшего окружения).

1.3 Степень сформированности запроса на условия социализации детей.

2. Изучение миграционных установок.

2.1 Типы миграционных установок, характерных для казахстанской молодежи с учетом региональных особенностей (готовность к мобильности, отказ от мобильности).

2.2 Векторы миграции (внутренней и внешней).

2.3 Степень сформированности миграционных установок (потенциальная, актуальная).

Объект исследования – репродуктивные и миграционные установки казахстанской молодежи.

Предмет исследования - региональные различия в репродуктивных и миграционных установках казахстанской молодежи**.**

Гипотеза 1. Репродуктивные и миграционные установки казахской молодежи уже оказывают и будут оказывать в ближайшие годы значительное влияние на уровень демографической безопасности РК.

1.1 На уровень демографической безопасности современного Казахстана значительное влияние оказывают специфические факторы.

1.2. Демографические процессы реализуют как объективный количественный потенциал, так и субъективные ценностные установки репродуктивно-активного населения. Основной количе-

ственный потенциал репродуктивной и миграционной активности в настоящее время составляет казахстанская молодежь.

1.3. Казахстанская молодежь формирует основной внутренний миграционный поток (урбанизация), а в ближайшем будущем станет формировать основной внешний миграционный поток (эмиграция).

Гипотеза 2. Репродуктивные и миграционные установки казахстанской молодежи имеют значимые регионально-территориальные различия в силу разных причин.

2.1 Исторически сложившиеся различия в экономической структуре регионов.

2.2 Исторически сложившиеся различия в возрастной и этнической структуре регионов.

2.3. Региональные различия в формах и содержании урбанизационных процессов.

2.4 Социокультурные различия между регионами, проявляющиеся, в том числе, через языковые предпочтения.

Методологическая основа исследования.

Методы:

Основной метод – опрос в различных формах:

- массовый анкетный опрос в онлайн-режиме (500 представителей казахской молодежи в возрасте 17–25 лет, проживающей в южном, западном, северном и восточном регионах РК);
- по 3 фокус-группы в каждом регионе по 10–12 человек. Все фокус-группы будут проведены в онлайн-режиме;
- индивидуальные онлайн-интервью в качестве возможного дополнительного варианта

Вспомогательный метод – наблюдение:

- самопрезентация респондентов фокус-групп и/или интервью (внешний вид, лексика, эмоциональные реакции на вопросы, характер взаимодействия с другими участниками и т. д.).

1. Основные характеристики социологического исследования

Полевой этап прошел в период с 7 по 20 мая 2021 г.

Состоялось 13 фокус-групп в режиме онлайн-конференции.

В социологическом опросе приняли участие 515 респондентов – представители всех регионов Казахстана.

Выборочная совокупность была задана следующим образом: 500 респондентов в возрасте от 17 до 25 лет, жителей областных центров четырех регионов Казахстана – юг (г. Тараз (90% казахского населения, 10% - представителей других этносов) / г. Кызылорда (90% казахского населения, 10% - представителей других этносов) и города республиканского значения Шымкент (70% казахского населения, 30% - представителей других этносов), север (г. Павлодар (50% казахского населения, 50% - представителей других этносов) / г. Костанай (50% казахского населения, 50% - представителей других этносов) / г. Петропавловск (50% казахского населения, 50% - представителей других этносов), восток (г. Усть-Каменогорск (50% казахского населения, 50% - представителей других этносов) / г. Семей (70% казахского населения, 30% - представителей других этносов) и запад (г. Актобе (90% казахского населения, 10% - представителей других этносов) / г. Атырау (90% казахского населения, 10% - представителей других этносов) / г. Уральск (70% казахского населения, 30% - представителей других этносов), а также г. Нур-Султан (70% казахского населения, 30% - представителей других этносов) и г. Алматы (70% казахского населения, 30% - представителей других этносов), соблюдая следующие параметры выборки:

- в каждом регионе по 100 человек (всего – 400 человек);
- в гг. Нур-Султан и Алматы – по 50 человек (всего – 100 человек).

Таблица 1.1 – Фактическая выборочная совокупность

		Частота	Процент
Валидные	Тараз	35	6,8
	Кызылорда	35	6,8
	Шымкент	35	6,8
	Павлодар	35	6,8
	Костанай	35	6,8
	Петропавловск	35	6,8
	Усть-Каменогорск	50	9,7
	Семей	50	9,7
	Актобе	35	6,8
	Атырау	35	6,8
	Уральск	35	6,8
	Нур-Султан	50	9,7
	Алматы	50	9,7
	Итого	515	100,0

Представленность по возрастным категориям отображена на рисунке 1.1

Хотя актуальное соотношение представителей мужского и женского пола в возрастной группе 17–29 лет примерно равное, авторы исследования посчитали необходимым привлечь в качестве респондентов в большей степени женщин. Это обусловлено объектом исследования в части репродуктивных установок молодежи, так как именно репродуктивные установки женщин оказывают определяющее влияние на процессы рождаемости. В тоже время, вопрос миграционных установок также содержит репродуктивно-гендерный подтекст, так как миграция женщин формирует приводит к перемещению основного репродуктивного потенциала казахстанского социума. В данном случае соотношение представителей полов составило 72,0% (женщины) и 28,0% (мужчины). Тем не менее, анализ полученных данных через призму гендерной

принадлежности позволяет достаточно адекватно сопоставить позиции респондентов по всем заданным вопросам.

Основная часть респондентов – молодежь в возрасте от 17 лет до 21 года, поэтому основной род занятий подавляющего большинства (78,8%) – учебная деятельность, пятая часть опрошенных (21,2%) – в качестве основного рода занятий указали работу.

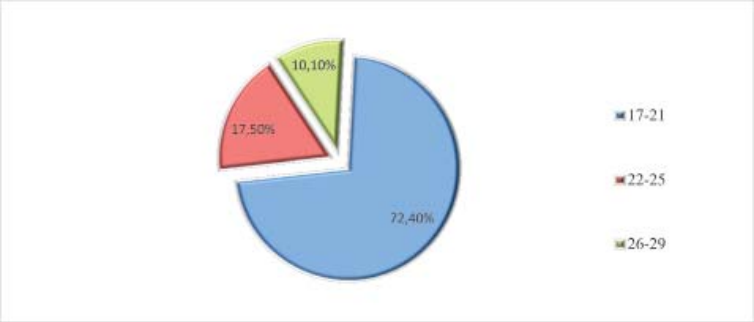

Рисунок. 1.1 – Представленность по возрастным группам

Уровень формального образования респондентов на момент опроса достаточно высок (рисунок 1.2).

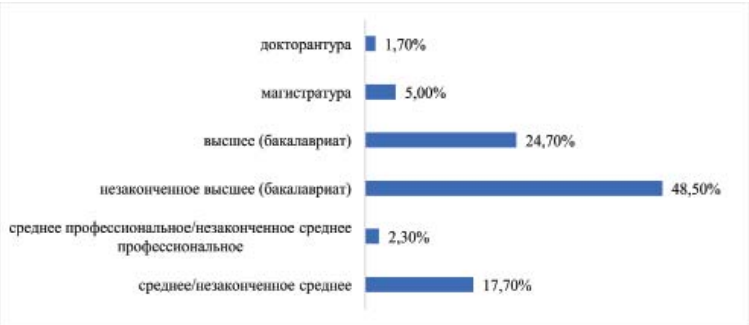

Рисунок 1.2 – Уровень образования респондентов

Соответственно, 21,2% работающих респондентов распределились по следующим секторам рынка труда (таблица 1.2).

Таблица - 1.2 – Распределение работающих респондентов по секторам рынка труда

№	Сфера занятости	Удельный вес
1	государственная служба	2,1%
2	область администрирования (менеджмент)	5,0%
3	банковская и финансовая деятельность	2,9%
4	сфера услуг и продаж	4,3%
5	фермерство, сельское и лесное хозяйство, рыбоводство/рыболовство	0,4%
6	промышленность, строительство, транспорт	2,3%
7	образовательная деятельность	3,5%
8	здравоохранение	0,6%

Как видно из данных, приведенных в Таблице 1.2, большая часть работающих участников опроса занята в сферах оказания различных услуг, что соответствует типу современной городской экономики.

Подводя итог общей характеристики респондентов, можно сказать, что участники опроса – типичные представители современной казахстанской городской молодежи с точки зрения уровня образования и профессионально-экономической направленности. Авторы исследования сознательно не делают акцент на этнической принадлежности участников опроса – задача состоит в том, чтобы определить основные тренды в области репродуктивных и миграционных установок исходя из региона проживания, а не этнической идентичности.

2. Репродуктивные установки казахстанской молодежи

Одной из важных отличительных черт современного демографического развития Казахстана является устойчивый рост рождаемости, который фиксируется с начала 2000-х годов. Если рассматривать этот процесс в контексте мировых трендов, то он выглядит как «аномалия», ведь во всем мире активная урбанизация приводит к достаточно быстрым снижениям показателей рождаемости. Определение причин этого феномена не входит в число задач настоящего исследования, но изучение вопросов демографической безопасности предполагает анализ репродуктивных установок современной казахстанской молодежи. Исходя из предположения, что людям свойственно соотносить свои личные жизненные планы с неким идеализированным образом того общества, частью которого они себя считают, респондентам был задан вопрос «Какое число детей Вы считаете подходящим для любой семьи в современном Казахстане?». Формулируя вопрос таким образом, авторы исследования стремились достичь нескольких целей:

1) Распространение репродуктивных установок разного типа: традиционных (многодетность), модернизированных (малодетность, среднедетность или отказ от репродукции) и степень их внутренней осознанности респондентами.

2) Выявление мотивационной основы репродуктивных установок: объективные причины (влияние внешней среды) и субъективные причины (влияние семьи и ближайшего окружения).

3) Степень сформированности запроса на условия социализации детей.

Первый вопрос «Какое число детей Вы считаете подходящим для любой семьи в современном Казахстане?» преследовал несколько целей:

- Настроить респондентов на разговор в определенной тематике;

- Задать достаточно общий вопрос, не имеющий прямой связи с личной жизнью респондентов, тем самым обеспечив комфортный психологический настрой;

- Получив ответы на последующие, более личные вопросы,

проследить, насколько респонденты способны к объективности. То есть, насколько они способны отделить проекцию собственных планов и желаний от реальных условий, в которых находятся другие семьи страны. По сути ответы на этот вопрос позволяют увидеть, какой видят респонденты типичную, по их мнению, казахстанскую семью.

Исходя из этих соображений, полученные результаты представлены в виде сравнения трех позиций: 1) число детей, по мнению респондентов, подходящее для любой семьи в Казахстане, 2) число детей, которое желали бы иметь респонденты в идеальных условиях, и 3) число детей, реально планируемое респондентами (рисунок 2.1).

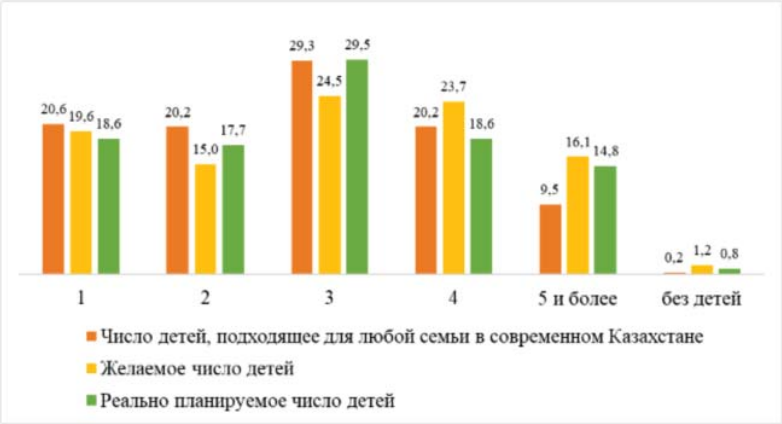

Рисунок 2.1 - Соотношение репродуктивных представлений и установок

Первое, что необходимо отметить, респонденты действительно достаточно четко отделяют свои планы и желания от обобщенного представления о потребностях казахстанских семей в детях и возможностях этих детей иметь.

Во-вторых, вариант бездетности является абсолютно миноритарным для всех трех позиций сравнения.

В-третьих, самый выбираем вариант по всем трем позициям –

три ребенка. На него приходится от 24,5% (желаемое число детей) до 29,5% (реально планируемое число детей).

Представления о казахстанской семье, как о многодетной (четыре, пять и более детей) придерживается 29,7% респондентов суммарно, в то время как о малодетной (один-два ребенка – 40,8%) или среднедетной (3 ребенка – 29,3%) семье говорят 70,1% респондентов суммарно.

Представленные выше данные отразили общие результаты опроса. По регионам мы увидим другую картину (рисунок.2.2). В таблицах после диаграмм приведены данные, сгруппированные по принципу: 1-2 ребенка (зона малодетности), 3 ребенка (зона среднедетности), 4 и более ребенка (зона многодетности).

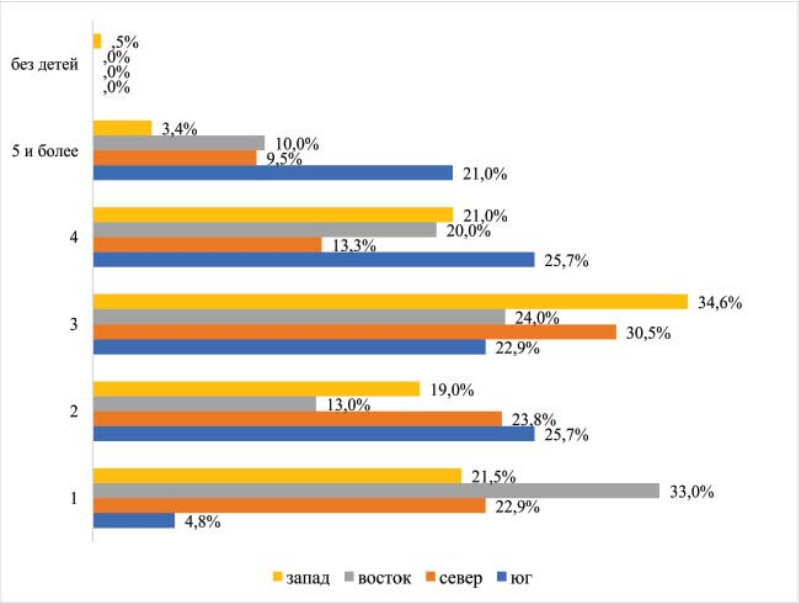

Рисунок 2.2 – Число детей, подходящее любой казахстанской семье. Региональный аспект

В разных регионах страны представление о средней казахстанской семье заметно отличаются (таблица 2.1).

Таблица - 2.1 Число детей, подходящее любой казахстанской семье. Региональный аспект

Регионы	Малодетность	Среднедетность	Многодетность
Число детей, подходящее для любой казахстанской семьи			
Юг	30,5%	22,9%	46,7%
Север	46,7%	30,5%	22,8%
Восток	46,0%	24,0%	30,0%
Запад	40,5%	34,6%	24,4%
Нур-Султан	18,0%	44,0%	38,0%
Алматы	50,0%	28,0%	22,0%

По суммарным данным, приведенным в таблице 2.1 видно, что многодетность считают нормой для современной казахстанской семьи в два раза больше респондентов на юге, чем на севере и даже на западе. Интересно, что, когда речь заходит о таких городах, как Нур-Султан и Алматы, общие региональные тенденции перестают оказывать влияние. По результатам опроса молодые жители Нур-Султана (географический север) в гораздо большей степени проявляют установки на многодетность, чем молодые жители Алматы (географический юг).

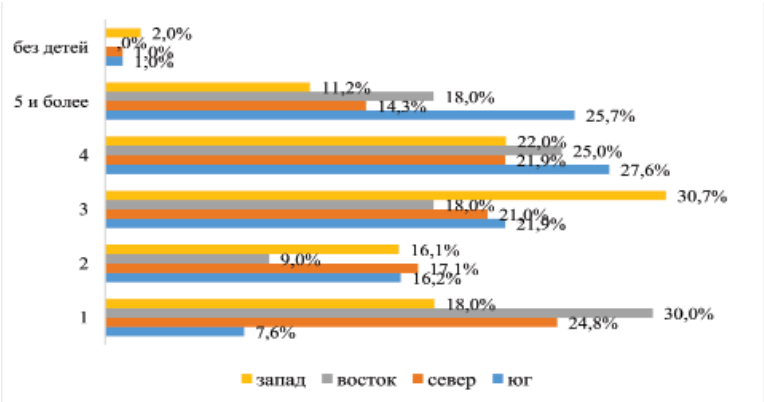

Рисунок 2.3 – Желаемое число детей. Региональный аспект

Вполне предсказуемо, что представление о среднем числе детей в казахстанской семье четко коррелируется с собственными желаниями респондентов, это видно на рисунок. 2.3. Желаемая многодетность гораздо заметнее у участников опроса из южного региона, а менее всего она характерна для респондентов с запада.

Таблица - 2.2 Желаемое число детей. Региональный аспект

Регионы	**Малодетность**	**Среднедетность**	**Многодетность**
Желаемое число детей			
Юг	23,8%	21,9%	53,3%
Север	41,9%	21,0%	36,2%
Восток	39,0%	18,0%	43,0%
Запад	34,1%	30,7%	33,2%
Нур-Султан	22,0%	34,0%	42,0%
Алматы	42,0%	24,0%	32,0%

Отмеченные выше тенденции сохраняются и при ответе на вопрос о желаемом числе детей.

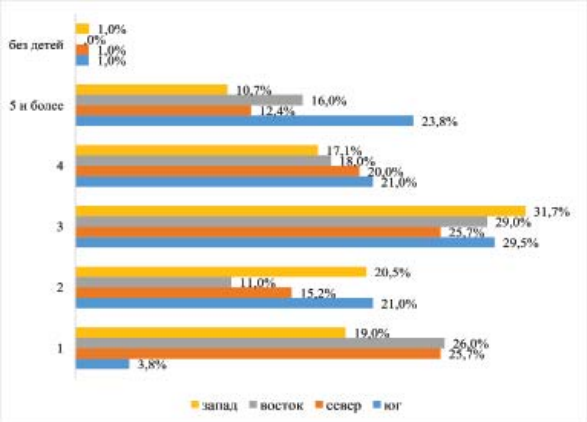

Рисунок 2.4 – Реально планируемое число детей. Региональный аспект

На представленных выше диаграммах хорошо видны различия между ответами, полученными от респондентов из разных регионов.

Таблица - 2.3 – Реально планируемое число детей. Региональный аспект

Регионы	Малодетность	Среднедетность	Многодетность
Реально планируемое число детей			
Юг	24,8%	29,5%	44,8%
Север	40,9%	25,7%	32,4%
Восток	37,0%	29,0%	34,0%
Запад	39,5%	31,7%	27,8%
Нур-Султан	22,0%	46,0%	30,0%
Алматы	44,0%	20,0%	36,0%

Как уже отмечалось выше, по всем трем позициям установки на многодетность заметно выше в южном регионе, а установки на малодетную семью в большей степени прослеживаются в северном регионе. Еще раз отметим, что репродуктивные установки в гг. Алматы и Нур-Султан не соответствуют их географическому окружению.

Являются ли зафиксированные репродуктивные установки влиянием родительских семей, общих социорепродуктивных различий, сформировавшихся в регионах на предыдущих этапах развития, социально-экономических условий или иных факторов – задача не одного исследования.

Еще одним, помимо регионального, важным аспектом при анализе репродуктивных установок, является гендерная принадлежность респондентов. Как видно из диаграммы (рисунок 2.5), самые заметные различия между взглядами мужчин и женщин – участников опроса на количество детей в современной казахстанской семье, приходятся на вариант «Один ребенок». Женщины почти в три раза чаще указывали этот вариант, как подходящий для любой

современной казахстанской семьи, чем мужчины – 25,1% и 9,0% соответственно. Мужчины же, заметно чаще чем женщины (в два раза), отмечали вариант «Два ребенка» - 31,3% и 15,9% соответственно. Но, эти колебания и различия фиксируются только в секторе установки на малодетность. В остальных случаях респонденты проявляют схожесть позиций.

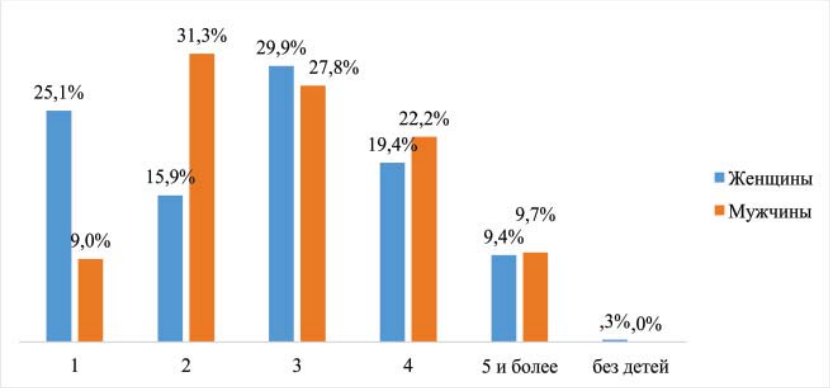

Рисунок 2.5 – Представление о числе детей в современной казахстанской семье. Гендерный аспект

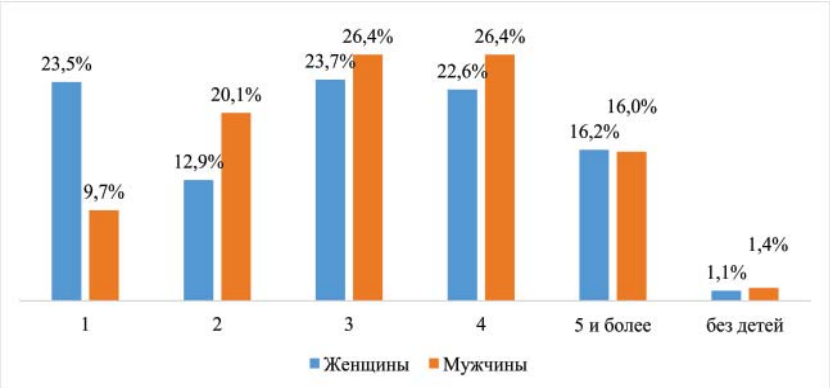

Рисунок 2.6 – Желаемое число детей. Гендерный аспект

На рисунке 2.6 проявляются несколько иные мнения, хотя общие тенденции сохраняются. Немного сближаются позиции мужчин и

женщин по вариантам один или два ребенка. По сравнению с предыдущей диаграммой снижается число респондентов, желающих иметь трех детей. Причем, у женщин это снижение более заметно (с 29,9% до 23,7%). То есть, среди женщин меньше тех, кто желал бы иметь трех детей, по сравнению с числом тех, кто считает это количество детей наиболее подходящим для казахстанской семьи. За счет этого заметно растет суммарное число респондентов, которые в идеальных условиях выбрали бы многодетность. У женщин этот рост составляет 6,4% (38,8% и 32,4%), у мужчин – 10,5% (42,4% и 31,9%). Нельзя не отметить и тот факт, что, когда речь зашла о личном выборе, более явно проявилась установка на бездетность: в первом случае (число детей, подходящее любой казахстанской семье) вариант «без детей» отметили 0,3% женщин, но не отметил ни один мужчина. Во втором случае (желаемое число детей для респондентов) этот показатель составил уже 1,1% у женщин и 1,4% у мужчин. Вариант «без детей» по-прежнему остался миноритарным, но сам факт его выбора даже таким незначительным числом респондентов обращает на себя внимание.

Третий вопрос в этом блоке «Какое число детей Вы реально планируете иметь?». Ответы на него интересны сами по себе как проекция репродуктивных установок респондентов (рисунок 2.7).

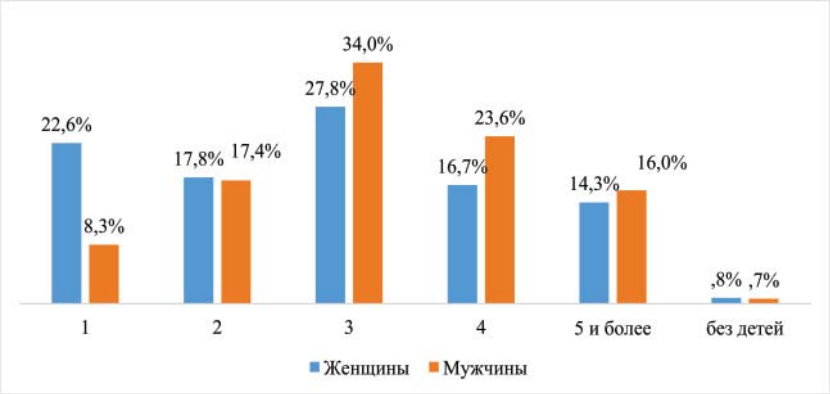

Рисунок 2.7 – Реально планируемое число детей. Гендерный аспект

В позиции «один ребенок» число респондентов-женщин почти в три раза выше числа респондентов-мужчин. В то же время, мужчины заметно чаще чем женщины указывали, что планируют иметь трех или четырех детей. То есть, у женщин в большей степени выражена установка на малодетность, а у мужчин – на среднедетность и даже многодетность. Как в реальности реализуются эти установки – покажет демографическая статистика в будущем, но в данный момент мы фиксируем расхождение в репродуктивных планах в зависимости от пола респондентов.

Кроме того, сопоставление этих результатов с ответами на другие вопросы позволяет выявить:

1. Как число планируемых детей соотносится с числом желаемых (рисунок 2.8, 2.9);

2. Насколько число планируемых детей совпадает или не совпадает с число детей у родителей респондентов. То есть, можно ли говорить о сохранении и транслировании между поколениями репродуктивных установок (рисунок 2.7, 2.8, 2.9).

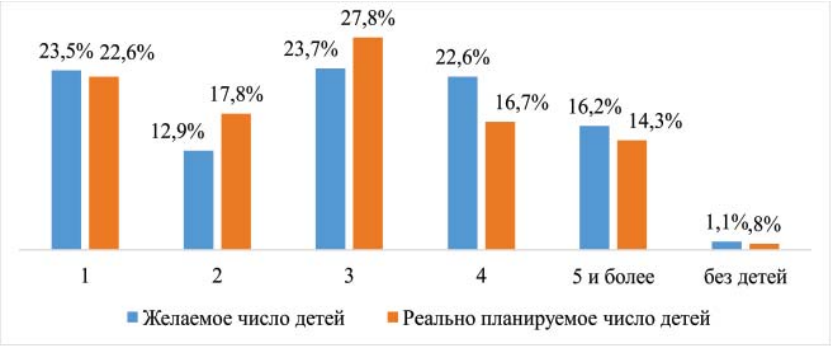

Рисунок 2.8 – Соотношение желаемого и реально планируемого числа детей. Женщины

Когда речь идет о двоих или троих детях, диаграмма демонстрирует превышение числа планируемых детей над числом желаемых. Если рассматривать эти данные отдельно, то может возникнуть впечатление, что респонденты будут вынуждены рожать больше, чем им бы хотелось. По всей видимости, причина в том, что в «секторе многодетности» (четыре, пять и более детей) опрос

выявляет обратную ситуацию – число желаемых детей меньше, чем число планируемых. Эта зеркальная разница отражает тех респондентов, которые учитывают вероятность не реализовать свои репродуктивные желания в полной мере. Но, это описание установок респондентов-женщин. У мужчин мы наблюдаем иную картину. (рисунок 2.9).

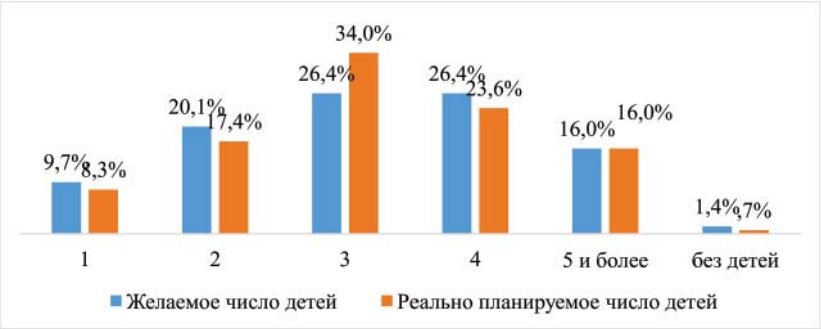

Рисунок 2.9 - Соотношение желаемого и реально планируемого числа детей. Мужчины

Только в одной позиции – «три ребенка» - число желаемых детей значимо меньше числа планируемых. В позициях «один ребенок», «два ребенка» и «четыре ребенка» число желаемых детей выше числа планируемых. Сложно утверждать определенно, что именно это означает. Возможно, такая ситуация демонстрирует более прагматичный подход респондентов-мужчин. Отдельно стоят ответы, отражающие установку на многодетность – «пять и более детей» - у мужчин число желаемых и планируемых детей в этой позиции полностью совпали.

Какое влияние на репродуктивные установки оказывает родительские семьи респондентов? Этот вопрос уже возникал выше, когда речь шла о региональных различиях. Общеизвестно, что семья, в которой происходит формирование личности ребенка, оказывает самое сильное воздействие на его последующую жизнь, закладывает базовые ценности, формирует представление о социальной норме. В то же время, каждое поколение не является пол-

ной копией поколения предыдущего, вносит какие-то социальные инновации, делает свой выбор. Таким образом, через социальную преемственность и социальную изменчивость, сохраняется стабильность и обеспечивается развитие социума.

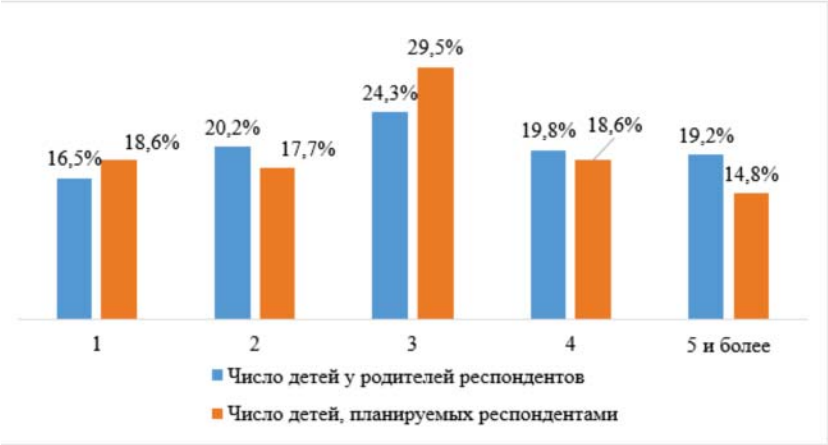

Рисунок 2.10 - Влияние родительской семьи
на репродуктивные установки. Общие данные

На основе обобщенных данных можно предположить, что суммарные установки на многодетность у современной молодежи несколько ниже, чем те, которые были реализованы в поколении родителей (39,0% и 33,4% соответственно, разница 5,2%). Происходит постепенное смещение в сторону среднедетной семьи – число респондентов, планирующих иметь трех детей, выше, чем число трехдетных семей в родительском поколении – 29,5% и 24,3% соответственно, разница 5,6%.

Влияние этого фактора в региональном аспекте представлено в таблице 2.4.

Таблица - 2.4 – Репродуктивное поведение (родительское поколение) и репродуктивные установки (респонденты). Региональный аспект

Вопросы для респондентов	Малодетность (1-2 ребенка)	Среднедетность (3 ребенка)	Многодетность (4 и более ребенка)
Юг			
Число детей у родителей респондентов	18,1%	22,9%	59,1%
Число детей, планируемых респондентами	24,8%	29,5%	44,8%
Север			
Число детей у родителей респондентов	44,8%	22,9%	32,4%
Число детей, планируемых респондентами	40,9%	25,7%	32,4%
Восток			
Число детей у родителей респондентов	47,0%	16.0%	37,0%
Число детей, планируемых респондентами	37,0%	29,0%	34,0%
Запад			
Число детей у родителей респондентов	37,1%	29,8%	33,2%
Число детей, планируемых респондентами	39,5%	31,7%	27,8%

Данные, приведенные в таблице 2.4, показывают следующие изменения в установках на рождаемость в сравнении с репродуктивным поведением родительского поколения:

- установки на многодетность снижаются практически во всех регионах (только на востоке они остаются неизменными); на юге, где фиксируется самая большая реализованная многодетность (59,1%) отмечается и самое большое снижение установок на будущую многодетность (на 14,35);

- во всех регионах растут установки на среднедетность, особенно это заметно в восточном регионе (на 13,0%);

- установки на малодетность снижаются на востоке и севере (на 10,0% и 3,9% соответственно), но растут на юге и западе (на 6,7% и 2,4% соответственно).

Схожие тенденции мы видим и при анализе результатов опроса через призму гендерной принадлежности респондентов.

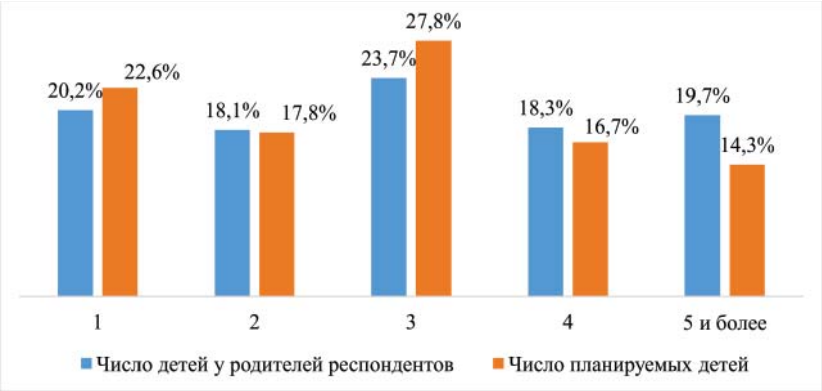

Рисунок 2.11 - Влияние родительской семьи на репродуктивные установки. Женщины

На соответствующем рисунке-диаграмме (рисунок. 2.11) видно, что основные различия между числом детей в родительских семьях и числом планируемых детей у женщин имеют два основных вектора.

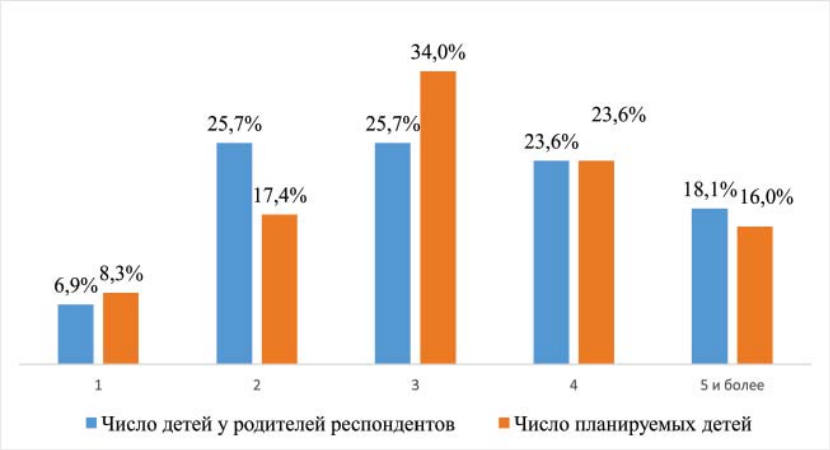

Рисунок 2.12 - Влияние родительской семьи
на репродуктивные установки. Мужчины

Первый вектор – увеличение числа планируемых детей в позициях один и три ребенка. Второй вектор – уменьшение числа планируемых детей в сравнении с числом детей в родительских семьях в позициях четыре ребенка, пять и более детей. То есть, происходит смещение из зоны многодетности в зоны среднедетности и малодетности. Зафиксированные различия невелики, пока нет оснований считать, что эти изменения приобрели характер тенденции, но заслуживают дальнейшего наблюдения.

У мужчин наблюдаются несколько иные показатели, смещение от многодетности к малодетности не выражено. Однако, нужно помнить, что реальные результаты рождаемости определяются, в первую очередь, установками женщин, а не мужчин.

Репродуктивные установки входят в число базовых представлений, которые дети, растущие в семье, усваивают с детства. Но, в современном мире с его глобальным информационным пространством на социализацию оказывают значительное влияние и внешние факторы. К таким факторам относится и урбанизация, которая в свою очередь, формирует новые запросы на условия жизни. Участникам опроса – жителям крупных городов было предложено

указать пять причин, по которым они могут отложить рождение ребенка или даже отказаться от него. Результаты ответов на этот вопрос через призму региональной принадлежности респондентов представлены на рисуноке 2.13. Опрошенные могли выбрать до пяти вариантов ответа, поэтому общая сумма процентов превышает 100 пунктов.

На рисунке 2.13 хорошо заметны значительные расхождения в ответах представителей разных регионов. Действительно ли их позиции настолько отличны друг от друга, поможет понять сопоставительная таб. В эту таблицу включены три первых и три последних по выбираемости респондентами варианта ответа. В этих рейтингах не учитывается вариант «Другое», так как его отметили только два респондента, которые в качестве важной причины указали плохое финансовое состояние. Тот факт, что больше никто из опрошенных не дал такого ответа, позволяет предположить, что экономические вопросы содержания детей не находятся в фокус внимания участников опроса, подавляющее большинство которых сами не являются независимыми экономическими акторами, продолжая обучение. Косвенно этот вывод подтверждается и другими результатами, о которых будет сказано ниже.

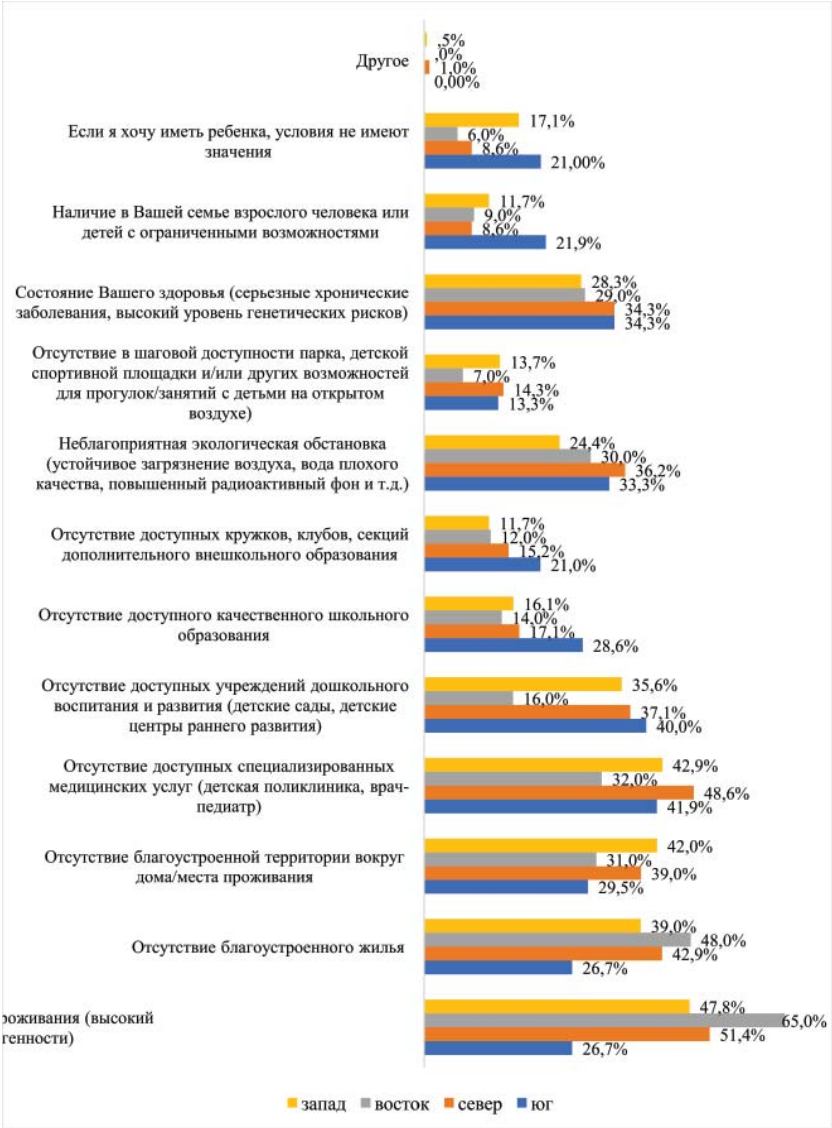

Рисунок 2.13 – Причины, по которым респонденты могут отложить рождение ребенка или отказаться от него

Таблица - 2.5 - Причины, способные повлиять на решение о рождении ребенка. Региональный аспект

Регионы	1 место	2 место	3 место
Юг	Отсутствие доступных специализированных медицинских услуг (детская поликлиника, врач-педиатр) – 41,9%	Отсутствие доступных учреждений дошкольного воспитания и развития (детские сады, детские центры раннего развития) – 40,0%	Состояние Вашего здоровья (серьезные хронические заболевания, высокий уровень генетических рисков) – 34,3%
Север	Неблагополучный района проживания (высокий уровень криминогенности) – 51,4%	Отсутствие доступных специализированных медицинских услуг (детская поликлиника, врач-педиатр) – 48,6%	Отсутствие благоустроенного жилья - 42,9%
Восток	Неблагополучный района проживания (высокий уровень криминогенности) – 65,0%	Отсутствие благоустроенного жилья – 48,0%	Отсутствие доступных специализированных медицинских услуг (детская поликлиника, врач-педиатр) – 32,0%
Запад	Неблагополучный района проживания (высокий уровень криминогенности) – 47,8%	Отсутствие доступных специализированных медицинских услуг (детская поликлиника, врач-педиатр) – 42,9%	Отсутствие благоустроенной территории вокруг дома/места проживания – 42,0%
Регионы	**10 место**	**11 место**	**12 место**
Юг	Отсутствие доступных кружков, клубов, секций дополнительного внешкольного образования – 21,0% Если я хочу иметь ребенка, условия не имеют значения – 21,0%		Отсутствие в шаговой доступности парка, детской спортивной площадки и/или других возможностей для прогулок/занятий с детьми на открытом воздухе) – 13.3%
Север	Отсутствие в шаговой доступности парка, детской спортивной площадки и/или других возможностей для прогулок/занятий с детьми на открытом воздухе) – 14,3%	Наличие в Вашей семье взрослого человека или детей с ограниченными возможностями – 8,6% Если я хочу иметь ребенка, условия не имеют значения – 8,6%	

Продолжение таблицы 2.5			
Восток	Наличие в Вашей семье взрослого человека или детей с ограниченными возможностями – 9,0%	Отсутствие в шаговой доступности парка, детской спортивной площадки и/или других возможностей для прогулок/занятий с детьми на открытом воздухе) – 7,0%	Если я хочу иметь ребенка, условия не имеют значения – 6,0%
Запад	Отсутствие в шаговой доступности парка, детской спортивной площадки и/или других возможностей для прогулок/занятий с детьми на открытом воздухе) – 13,7%	Отсутствие доступных кружков, клубов, секций дополнительного внешкольного образования – 11,7%	Наличие в Вашей семье взрослого человека или детей с ограниченными возможностями – 11.7%

Сравнительная таблица 2.5 демонстрирует, что, судя по результатам опроса, приоритеты респондентов южного региона отличаются от приоритетов респондентов других регионов: первые позиции у них занимают вопросы медицины и здоровья, а также доступности дошкольных развивающих учреждений. Для представителей других регионов на первый план выходят вопросы безопасности района проживания, благоустроенное жилье и придомовая территория, совпадение возникает только в вопросе доступности специализированных медицинских услуг для детей.

В нижней части таблицы представлены позиции, которые имеют для респондентов наименьшее значение с точки зрения влияния на решение о рождении ребенка. Здесь наблюдается большее единодушие между респондентами из разных регионов – практически все указали условия, связанные с дополнительными формами развития ребенка (места для прогулок, кружки, секции и т. д.). Кроме того, в трех регионах в конце списка причин, которые могут повлиять на решение о рождении ребенка, указали наличие в семье детей или взрослых с ограниченными возможностями. И это тот факт, который косвенно подтверждает предположение, что экономические аспекты семейных реалий зачастую выпадают из фокуса внимания респондентов: присутствие в семье тяжело больного че-

ловека – это серьезная нагрузка на бюджет, помимо других трудностей эмоционально-психологического и бытового характера.

Отдельно необходимо отметить, что в конце общего списка представителей трех регионов (юг, север и восток)) оказался и пункт «Если я хочу иметь ребенка, условия не имеют значения», но число респондентов, указавших его, очень различно – от 6,0% на востоке до 21,0% на юге.

На систему приоритетов респондентов также оказывает определенное влияние их гендерная принадлежность. Эти результаты представлены в таблице 2.6.

Таблица - 2.6 – Причины, способные повлиять на решение о рождении ребенка. Гендерный аспект

Женщины		**Мужчины**	
1		2	
Неблагополучный района проживания (высокий уровень криминогенно сти)	51,8%	Отсутствие доступных специализированных медицинских услуг (детская поликлиника, врач-педиатр)	45,1%
Отсутствие доступных специализированных медицинских услуг (детская поликлиника, врач-педиатр)	40,4%	Отсутствие доступных учреждений дошкольного воспитания и развития (детские сады, детские центры раннего развития)	45,1%
Отсутствие благоустроенного жилья	39,1%	Отсутствие благоустроенной территории вокруг дома/ места проживания	42,4%
Отсутствие благоустроенной территории вокруг дома/ места проживания	34,5%	Отсутствие благоустроенного жилья	38,9%

Продолжение таблицы 2.6			
Состояние Вашего здоровья (серьезные хронические заболевания, высокий уровень генетических рисков)	32,6%	Неблагополучный района проживания (высокий уровень криминогенно сти)	36,8%
Неблагоприятная экологическая обстановка (устойчивое загрязнение воздуха, вода плохого качества, повышенный радиоактивный фон и т.д.)	29,6%	Неблагоприятная экологическая обстановка (устойчивое загрязнение воздуха, вода плохого качества, повышенный радиоактивный фон и т.д.)	29,9%
Отсутствие доступных учреждений дошкольного воспитания и развития (детские сады, детские центры раннего развития)	28,3%	Состояние Вашего здоровья (серьезные хронические заболевания, высокий уровень генетических рисков)	26,4%
Отсутствие доступного качественного школьного образования	16,2%	Отсутствие доступного качественного школьного образования	24,3%
Если я хочу иметь ребенка, условия не имеют значения	12,9%	Отсутствие доступных кружков, клубов, секций дополнительного внешкольного образования	20,1%
Наличие в Вашей семье взрослого человека или детей с ограниченными возможностями	12,4%	Если я хочу иметь ребенка, условия не имеют значения	16,7%

Продолжение таблицы 2.6			
1		2	
Отсутствие доступных кружков, клубов, секций дополнительного внешкольного образования	12,1%	Отсутствие в шаговой доступности парка, детской спортивной площадки и/или других возможностей для прогулок/занятий с детьми на открытом воздухе)	16,0%
Отсутствие в шаговой доступности парка, детской спортивной площадки и/или других возможностей для прогулок/занятий с детьми на открытом воздухе)	11,1%	Наличие в Вашей семье взрослого человека или детей с ограниченными возможностями	13,2%
Другое	0,5%	Другое	0,0%

Как видно из таблицы 2.6, первые три места по частоте выбора у женщин и мужчин совпадают только в одном пункте – «Отсутствие доступных специализированных медицинских услуг (детская поликлиника, врач-педиатр)». В нижней части рейтинга причин, способных оказать значимое влияние на женщин и мужчин в вопросах решения о рождении ребенка, видно совпадение двух позиций – «Отсутствие в шаговой доступности парка, детской спортивной площадки и/или других возможностей для прогулок/занятий с детьми на открытом воздухе)» и «Наличие в Вашей семье взрослого человека или детей с ограниченными возможностями». Таким образом, доступность специальных медицинских услуг можно отнести к числу приоритетных для всех респондентов, независимо от пола, а наличие в семье людей с ограниченными возможностями и отсутствие мест для прогулок с детьми – к числу факторов, наименее значимых. Два последних пункта несопоставимы по степени влияния на благополучие семьи и, возможно респондентами,

в силу отсутствия собственного опыта, не осознается то, с какими трудностями приходится сталкиваться тем, чьи близкие страдают от тяжелых травм или хронических заболеваний.

Итак, рассмотренные выше данные позволяют получить представление о значимости для участников опроса тех или иных условий, в которых они бы хотели рожать и воспитывать детей. Далее поднимается очень важный вопрос: а кто, по мнению опрошенных, несет основную ответственность за создание этих условий? Свою позицию респонденты могли выразить, выбирая из трех вариантов: государство, родители ребенка/детей, родственники родителей.

Отметим сразу, что во всех случаях основную ответственность за условия рождения и воспитания детей респонденты возлагают на государство.

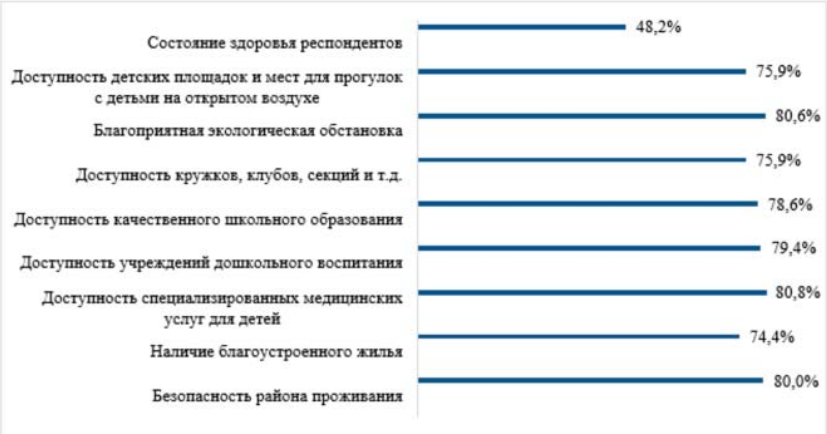

Рисунок 2.14 - Основная ответственность за создание условий – Государство. Общие данные

Анализ через призму региональной принадлежности участников опроса выявляет некоторые колебания:

- Наличие благоустроенного жилья – от 76,3% (запад) до 83,2% (юг).

- Доступность специализированных медицинских услуг для детей – от 83,2% (юг) до 88,4% (запад).

- Доступность учреждений дошкольного воспитания и развития детей – от 79,2% (восток) до 87,4% (запад).

- Доступность качественного школьного образования - от 81,3% (восток) до 85,3% (запад).

- Доступность кружков, клубов, секций и т.д. – от 79,8% (север) до 82,0% (запад).

- Благоприятная экологическая обстановка – от 83,3% (восток) до 87,9% (юг).

- Доступность детских площадок и мест для прогулок с детьми на открытом воздухе – от 76,8% (север) до 83,8% (юг).

- Состояние здоровье респондентов – от 27,3% (юг) до 64,6% (восток).

Единственное значимое различие фиксируется в позиции «Состояние здоровья респондента» - здесь мы видим, что амплитуда колебания мнений составляет 37,3%!

Подробнее различия и сходства между мнением респондентов из разных регионов можно проследить по данным, представленным в таблице 2.7. Пожалуй, наиболее показательны различия между мнениями, высказанными молодежью Нур-Султана и Алматы. При их сравнении становится видно, что уровень ответственности, возлагаемой жителями столицы на государство, значительно ниже, чем эти показатели у жителей столицы южной. Свидетельствует ли это о постепенном формировании более рациональных и прагматичных оценок реальной ситуации, говорить пока трудно.

Таблица - 2.7 – Ответственность за создание условий (государство). Региональный аспект

Условие для рождения и воспитания детей	**Юг**	**Север**	**Восток**	**Запад**	**Нур-Султан**	**Алматы**
Безопасность района проживания	85,1%	84,8%	83,3%	84,8%	72,1%	87,5%
Наличие благоустроенного жилья	83,2%	80,8%	77,1%	76,3%	71,4%	87,5%
Доступность специализированных медицинских услуг	83,2%	84,8%	83,3%	88,4%	81,0%	87,5%

Продолжение таблицы 2.7						
Доступность учреждений дошкольного воспитания и развития	84,0%	83,8%	79,2%	87,4%	81,0%	87,5%
Доступность качественного школьного образования	82,8%	83,8%	81,3%	85,3%	81,0%	87,5%
Доступность кружков, клубов, секций и т.д.	80,8%	79,8%	80,2%	82,0%	71,4%	87,5%
Благоприятная экологическая обстановка	87,9%	84,8%	83,3%	86,3%	76,2%	87,5%
Наличие в шаговой доступность детских площадок, мест для прогулок с детьми на открытом воздухе	83,8%	76,8%	79,2%	82,1%	69,0%	87,5%
Состояние здоровья респондентов	27,3%	55,6%	64,6%	55,0%	34,9%	58,3%

Несмотря на отмеченные отклонения, общая картина не меняется – респонденты возлагают на государство практически всю ответственность за создание условий для рождения и воспитания их будущих детей. Такие результаты не могут не вызывать тревогу: при растущих установках на среднедетность и сохраняющихся высоких установках на многодетность явно прослеживаются патерналистсткие ожидания. У кого они выше – у женщин или мужчин? Ответ на этот вопрос представлен на рисунке 2.15.

В этом случае мы видим, что женщины подвержены не только воздействию патерналистского влияния, но и в патриархальных традициях перекладывают ответственность за создание условий для своих детей на внешнюю силу. В такой позиции скрывается глубинное противоречие: традиционное разделение гендерных ролей возлагает на женщину заботу о детях, более того, именно ее решение определяет факт появления на свет ребенка. В тоже время, условия для этих детей должен создать кто-то другой. Даже ответственность за состояние своего здоровья более половины женщин-респондентов возложили на государство.

Рисунок 2.15 - Основная ответственность за создание условий (государство). Гендерный аспект

В последнем вопросе этого блока было предложено оценить свое согласие или несогласие с рядом утверждений. Эти утверждения характеризуют различные аспекты отношения к детям, их значения в жизни семьи и общества. На рисунке 2.16 представлены общие результаты опроса.

Рисунок 2.16 - Согласие с утверждениями об отношении к детям (суммарное число утвердительных ответов)

В первую очередь, необходимо отметить, что подавляющее большинство респондентов выразили согласие с предложенными утверждениями. Суммарное число утвердительных ответов колеблется от 64,8% («Люди, у которых нет детей, неполноценные») до 89,9% («Родители должны всегда объяснять детям причины запретов»).

Утверждения «Иметь детей – это биологическая потребность каждого человека» и «Люди, у которых нет детей, неполноценные» определяют безусловную, даже иррационально сакральную, ценность детей. Согласие с этими утверждениями подтверждает высокую значимость детей для участников опроса. Однако, видна

разница в оценке двух этих утверждений – с тем, что отсутствие детей делает человека неполноценным, согласилось значительно меньше опрошенных, чем со всеми другими утверждениями, хотя и в этом случае сумма утвердительных ответов выше, чем сумма отрицательных.

Утверждение «Дети нужны, чтобы была поддержка в старости и болезни» выявляет, в определенном смысле, утилитарное значение детей. Но, кроме того, высокий уровень согласия с этим утверждением косвенно свидетельствует о недостаточном уровне развития в казахстанском обществе других социальных институтов, призванных при необходимости гарантировать любому человеку заботу и уход, независимо от наличия или отсутствия у него детей. Это – одна из важных социальных проблем, с которыми сегодня сталкиваются многие общества на фоне старения населения и перехода к малодетности. В данном случае сохранение традиционных практик поддержки членов семьи представителями младших поколений выполняет функции социального страхования, с которыми не в полной мере справляется государство.

Следующее утверждение «Если есть такая возможность, детям нужно давать все, что они хотят», было направлено на выявление уровня ответственности респондентов за привитие детям норм разумного потребления. Можно сказать, что респонденты с этим экзаменом не справились – 80,6% согласились с этим утверждением. Это свидетельствует об отсутствии у опрошенных понимания того, как важно прививать детям разумную оценку своих желаний и объективных возможностей семьи и общества, рациональный подход к собственным потребностям. В конечном счете речь идет о том, что респонденты демонстрирую свою неготовность воспитывать в следующем поколении экологическое и социально ответственное поведение.

Четыре утверждения:

- Дети не должны спорить с родителями;
- В детях родители реализуют свои мечты;
- Родители должны считаться с мнением детей;
- Родители должны всегда объяснять детям причины запретов

определяют два противоположных подхода к личности ребенка.

Первые два утверждения – это отражение отношения к детям как к объектам. В этом случае ребенок обладает ценностью в качестве инструмента самореализации родителей. Как объект воздействия, дети не имеют собственного мнения и выбора, они должны слушаться старших, как будто принадлежат им, являются объектом права собственности родителей. Такое отношение не противоречит высокой ценности детей в рамках традиционного мировоззрения.

Но, следующие два утверждения выражают противоположную позицию – дети выступают как субъекты взаимодействия с родителями. И поэтому с их мнением необходимо считаться, а все запреты должны каким-то образом рационально обосновываться, чтобы ребенок мог опереться на собственное понимание норм, мог наполнить их своим смыслом. Это очень важно, так как на этом строится критическое мышление, необходимое во взаимодействии с внешним миром. Особую значимость такой подход в воспитании приобретает в условиях противоречивого информационного разнообразия, характеризующего современное глобальное пространство. Именно эти два утверждения получили наибольшую поддержку респондентов: суммарное число утвердительных ответов по первым двум позициям – 151,5, суммарное число утвердительных ответов по вторым двум позициям – 178,6.

Сопоставительная таблица 2.8 позволяет увидеть мнение респондентов через призму их региональной принадлежности. Можно сделать ряд замечаний:

- Судя по полученным ответам, утилитарная ценность детей осознается в большей степени на востоке страны и в г. Алматы;

- Во всех регионах и городах суммарное согласие с двумя последними утверждениями выше, чем суммарное согласие с двумя предыдущими. То есть, субъектно-субъектное отношение к детям (влияние модернизации) преобладает по отношению к субъектно-объектному (традиционное). Это является одним из признаков трансформаций общественного сознания, происходящих в казахстанском обществе. Очень показательно, что такое преобладание особенно ярко проявляется у респондентов из г. Нур-Султан – политического и идеологического центра модернизации.

Таблица - 2.8 – Согласие с утверждениями о значении, месте и роли детей в современной казахстанской семье

Утверждения для оценивания	Юг	Север	Восток	Запад	Нур-Султан	Ал-маты
Иметь детей – это биологическая потребность каждого человека	78,1%	74,3%	82,0%	87,8%	84,0%	98,0%
Люди, у которых нет детей, неполноценные	74,3%	49,5%	69,0%	65,8%	48,0%	78,0%
Дети нужны, чтобы была поддержка в старости и болезни	71,4%	73,4%	87,0%	72,7%	56,0%	90,0%
Если есть такая возможность, детям нужно давать все, что они хотят	81,9%	83,8%	84,0%	76,6%	70,0%	86,0%
Дети не должны спорить с родителями	82,8%	83,8%	89,0%	72,6%	54,0%	86,0%
В детях родители реализуют свои мечты	78,1%	67,6%	76,0%	67,3%	50,0%	78,0%
Родители должны считаться с мнением детей	80,9%	92,4%	94,0%	88,3%	84,0%	90,0%
Родители должны всегда объяснять детям причины запретов	92,4%	91,4%	92,0%	86,9%	86,0%	92,0%

Таким образом, мы видим, что в сознании участников опроса – молодых жителей казахстанских городов присутствует микст из противоречивых установок на роль и место детей в жизни современной семьи: установки традиционные и установки модернизационные, причем модернизационные установки значимо преобладают.

Выводы по разделу «Репродуктивные установки казахстанской молодежи».

1. Обобщенное представление респондентов о современной казахстанской семье – в большей степени как о семье малодетной (1-2 ребенка) и среднедетной (3 ребенка). Менее 30% участников опроса считают, что многодетность (4 и более ребенка) подходят любой казахстанской семье. При этом заметно большее число ответивших (на 10%) сами хотели бы стать многодетными родителями или планируют ими стать (почти на 4%). То есть, некоторая часть респондентов считает, что желаемое и планируемое ими число детей выше, чем это подходит для других казахстанцев.

2. В целом репродуктивные установки респондентов из южного региона в значительно большей степени склоняются к многодетности, чем репродуктивные установки других опрошенных. «Аномальными», с точки зрения их географического окружения, выглядят ответы респондентов из гг. Нур-Султан и Алматы. Судя по их ответам, молодые жители Алматы гораздо ближе по своим репродуктивным проекциям к жителям таких регионов, как север и восток. Участники опроса, проживающие в столице, демонстрируют позиции, близкие к представителям разных регионов, что вероятно объясняется смешанным характером населения Нур-Султана. Можно предполагать, что именно здесь в ближайшее время будет реализовываться некий усредненный сценарий репродуктивного поведения, вбирающий в себя тенденции всего Казахстана.

3. С точки зрения гендерной принадлежности, респонденты-женщины в заметно большей степени, чем респонденты-мужчины ориентированы на малодетность, а не многодетность. Можно предполагать, что процессы второго демографического перехода затронули некоторую часть женского населения городов сильнее, чем проживающих там же мужчин. Пока это не оказывает принципиального влияния на репродуктивное поведение, но возможно некоторое смещение акцентов если не в зону малодетности как таковой, то в зону среднедетности, как минимум.

4. В сравнении с родительским поколением, уже реализовавшим в большей степени свой репродуктивный потенциал, установки на многодетность снижаются во всех регионах, кроме северного, где многодетность и ранее была распространена меньше, чем в Казахстане в целом. Особенно эти изменения заметны там, где традиционные установки на многодетность реализовывались более широко – южный регион. Однако, снижение установок на многодетность не ведет к росту установок на малодетность (за исключением не больших изменений на юге и очень небольших изменений на западе) – фокус репродуктивных установок смещается в зону среднедетности. Причем, данные анонимного опроса демонстрируют это гораздо заметнее, чем ответы, полученные в ходе фокус-групп. По всей видимости, здесь сработал хорошо известный психологический эффект – озвучивания «ожидаемых»

или «одобряемых» ответов.

Гендерный анализ ответов показал, что основные отличия между репродуктивным поведением родителей и репродуктивными установками респондентов проявляется именно у женщин, модернизирующее влияние на которых, видимо происходит быстрее.

5. Влияние факторов, способных оказывать воздействие на решение о рождении ребенка, имеет ряд заметных региональных отличий: для жителей южного региона на первом месте по значимости стоят вопросы медицины и здоровья, а также доступности дошкольных развивающих учреждений. Для жителей других регионов приоритетами выступают вопросы безопасности района проживания, наличия благоустроенных жилья и придомовой территории. Обратную сторону медали демонстрируют факторы, оказавшиеся на последних местах по их значимости и влиянию на решение о рождении ребенка. К их числу респондентами были отнесены условия, связанные с дополнительными формами развития ребенка (места для прогулок, кружки, секции и т.д.). По мнению опрошенных, наличие в семье детей или взрослых с ограниченными возможностями не окажет на их репродуктивные решения значимого влияния. И это тот факт, который косвенно подтверждает предположение, что экономические аспекты семейных реалий зачастую выпадают из фокуса внимания респондентов: присутствие в семье тяжело больного человека – это серьезная нагрузка на бюджет, помимо других трудностей эмоционально-психологического и бытового характера.

Для респондентов-женщин вопросы безопасности района проживания, наличия благоустроенного жилья и доступность специальных медицинских услуг для детей являются приоритетными. Мнение мужчин совпало только по вопросу о медицинских услугах. Для респондентов-мужчин важнее оказалась степень доступности учреждений дошкольного воспитания и развития, а также проблемы благоустройства придомовой территории.

6. Дети воспринимаются участниками опроса как безусловная ценность, на уровне реализации биологической потребности, в тоже время каждый третий респондент не согласен с тем, что отсутствие детей делает человека неполноценным. Следовательно,

для значительной части молодежи (в столице и в северном регионе – более половины опрошенных) дети уже не являются обязательным атрибутом социальной значимости личности.

Практически во всех регионах дети обладают и высокой утилитарной ценностью в качестве социальной страховки по старости и болезни. Это характерно для обществ, где другие институты социальной поддержки не в полной мере справляются с подобными функциями.

В сознании участников опроса происходит сложное взаимодействие двух противоположных подходов в восприятии места и роли детей в семье: традиционный подход – дети как объект воздействия взрослых и инструмент реализации их планов и жизненных проекций. Это делает детей очень ценными, но не превращает их в субъектов с собственными планами и проекциями. Второй подход в большей степени отражает современное модернизированное общество, где дети выступают субъектами, а отношения с родителями и другими взрослыми приобретают характер взаимовлияния. Данные опроса свидетельствуют, что второй подход находит большую поддержку у респондентов.

3. Миграционные установки казахстанской молодежи

По данным Международной организации по миграции (МОМ) на 2020 год за последние двадцать лет число мигрантов в мире выросло в 1,8 раза и превысило 270 млн человек[1].

Свой вклад в эти процессы вносит и Казахстан. Современная казахстанская молодежь, по сравнению с предыдущими поколениями, обладает новыми широкими возможностями реальной и виртуальной мобильности, мир для них открыт в гораздо большей степени, чем это было ранее. И, хотя ситуация пандемии внесла значительные коррективы в процессы глобальной и региональной подвижности, общие мировые и локально-государственные тенденции свидетельствуют о высокой активности населения, в первую очередь – молодежи. В Казахстане мы наблюдаем два основных типа миграций – внутренние и внешние. Причем, внутренние миграции имеют явно выраженный вектор урбанизации, переселения из сельской местности в города. Этот вектор еще более конкретизируется в последнее десятилетие: центрами притяжения являются мегаполисы и областные центры. Именно поэтому, миграционные и репродуктивные установки казахстанской молодежи, проживающей в крупных городах, уже определяют и будут определять в будущем основные демографические процессы в стране. Нельзя не отметить, что некоторой части казахстанской молодежи крупные городские агломерации являются не конечным пунктом миграции, а стартовыми позициями для включения во внешние миграционные потоки – отъезд за пределы республики.

Новое поколение молодежи, которое родилось и выросло в суверенном Казахстане, обладает широкими возможностями пространственно-географической мобильности, которая неразрывно связана с мобильностью социальной. Насколько такие установки сформированы у респондентов, позволяют судить ответы на вопросы следующего блока.

Сначала участникам опроса предложили дать ответы, характеризующие уровень сформированности установок на внешнюю

1. Доклад о миграции в мире. 2020 год. Международная организация по миграции (МОМ). [Электронный ресурс] https://publications.iom.int › pdf › final-wmr_2020-ru]

миграцию.

В первом вопросе речь идет об обдумывании возможности отъезда из Казахстана, о том, насколько участники опроса допускают такую мысль (рисунок 3.1).

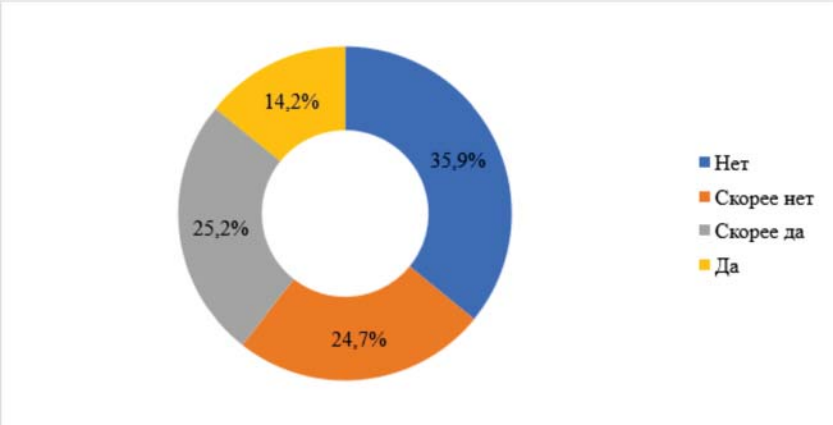

Рисунок 3.1 – Рассматриваете ли Вы возможность переезда в другую страну?

Как видно на рисунке 3.1, утвердительные ответы дали 39,4% респондентов (суммарно). Это высокий показатель (более трети опрошенных). Он не означает, что все, кто ответил подобным образом, станут эмигрантами. Но, эта цифра свидетельствует о высоком уровне миграционного потенциала. В возрастной группе 22–25 лет этот показатель еще выше – 45,5%. Возможно, это связано с тем, что в этом возрасте большинство молодежи уже завершают профессиональное образование, но еще не достигли значимых карьерных успехов. А с учетом более позднего вступления в брак, все более характерного для казахстанской молодежи, и более позднего возраста рождения первого ребенка возникает специфическая социальная страта – значительное число юношей и девушек, которые обрели достаточную независимость от родительской семьи и еще не сформировали собственные сильные социальные связи. Таким образом, относительная социальная свобода, наличие профессиональной и языковой подготовки создают возможности

попробовать свои силы на новом месте. Пол респондентов также оказывает определенное влияние на внешние миграционные установки: у мужчин они выше, чем у женщин (43,1% и 38,0% соответственно), эти различия в целом соответствуют общемировым закономерностям - .52 % международных мигрантов составляли мужчины; 48 % - женщины (Доклад о миграции).

Гораздо более значительными выглядят различия в сравнении по городам. В этом случае данные колеблются от 58,0% (Нур-Султан) до 24,0% (Усть-Каменогорск) (рисунке 3.2)

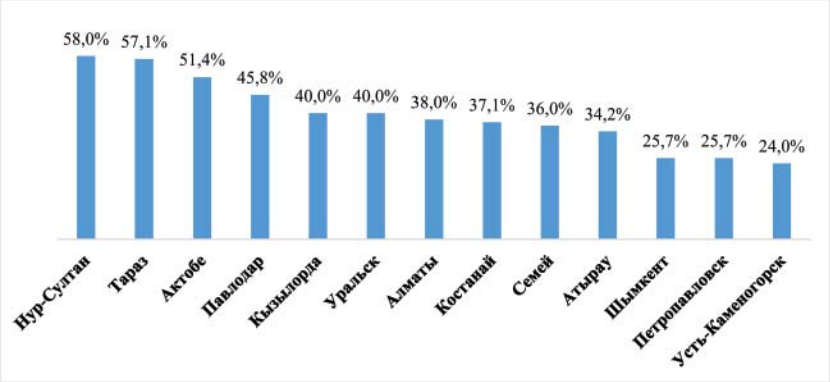

Рисунок 3.2 - Рассматриваете ли Вы возможность переезда в другую страну? (сумма утвердительных ответов)

После группировки городов по регионам (рисунок 3.3) мы получаем наглядное подтверждение, что проживание в таких мегаполисах, как Нур-Султан и Алматы, в большей степени, чем проживание в других городах республики, влияет на формирование внешних миграционных установок. Это может быть связано с тем, что такие центры аккумулируют молодежь с более высокими амбициями, более высоким уровнем профессиональной квалификации и языковой подготовки.

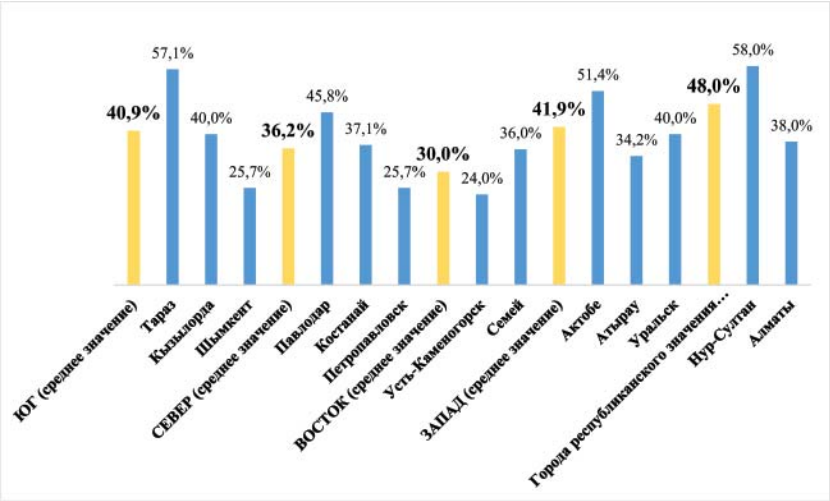

Рисунок 3.3 – Рассматриваете ли Вы возможность переезда в другую страну? Регионы (сумма утвердительных ответов)

В разрезе регионов также можно отметить заметное расхождение – сумма утвердительных ответов, то есть число респондентов ответивших, что они рассматривают возможность отъезда за пределы Казахстана, на западе и юге республики выше, чем на севере и востоке.

Пожалуй, еще более показательными стали ответы на вопрос «Если Вы рассматриваете возможность переезда в другую страну, то куда?». Формулировка вопроса предполагала, что ответы на него дадут те респонденты, которые в предыдущем вопросе подтвердили, что они рассматривают возможность отъезда за границу. Для тех респондентов, кто ответил на предыдущий вопрос отрицательно, был предусмотрен вариант «Другое», в котором они могли указать, что не думают о возможности переезда из Казахстана. И такие ответы были даны. Но, если в первом вопросе суммарное число отрицательных ответов составило 60,6%, то при ответе на второй вопрос свою позицию подтвердили только 5,6%(!). Еще несколько человек (суммарно 0,6%) указали, что «пока не знают» или

«еще не решили». Эти 5,6% распределились по регионам следующим образом: юг – 2.9%, запад – 1.9%, север и восток – по 0,4%.

Остальные 93,8% выбрали конкретные направления и страны, которые они рассматривают в качестве возможного варианта внешней миграции (рисунок 3.4). Это означает, что, когда респондентам предоставили выбор конкретных направлений, фактически число утвердительных ответов выросло на 54,4%!

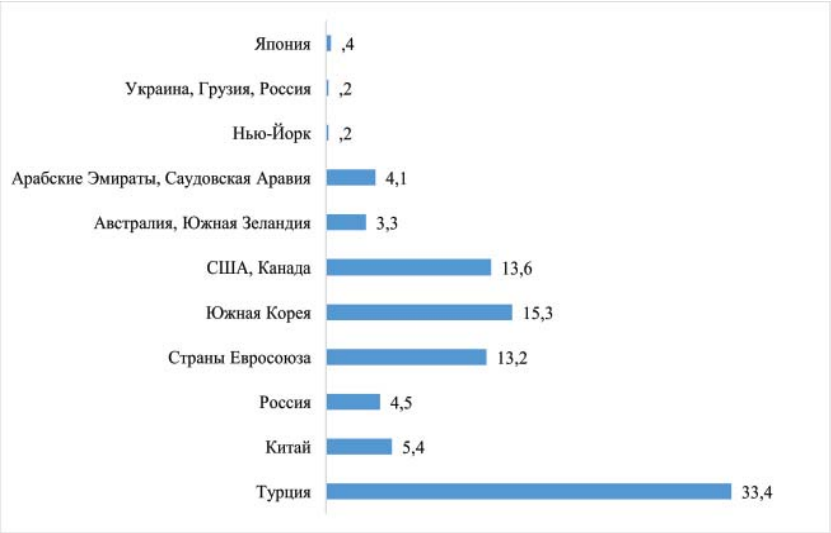

Рисунок 3.4 – Возможные направления внешней миграции

Общие данные, приведенные на рисунке 3.4, позволяют определить наиболее часто отмечаемые направления потенциальной внешней миграции – Турция (33,4%, безусловный лидер), Южная Корея (15,3%), США и Канада (13,6%), страны Евросоюза (13,2%). Если популярность Турции можно объяснить социокультурным сходством – общая языковая группа, общие религиозные ценности и традиции, то выбор Южной Кореи или стран Евросоюза и Северной Америки этими аргументами объяснить нельзя. Видимо, здесь вступают в силу социально-экономические факторы, ведь для этих стран и регионов характерен более высокий уровень социально-экономического развития, чем существующий в настоящий мо-

мент в Казахстане. Отметим, что условно англоязычные страны в сумме дают 26,8% ответов респондентов, что ставит это направление на второе место по популярности. В региональном аспекте можно видеть, что популярность предложенных направлений колеблется, особенно это заметно по выбору такого варианта, как Турция: от 45,0% (восток) до 26,3% (запад), хотя по всех регионах именно Турция чаще всего отмечается как наиболее привлекательное направление внешней миграции.

При этом, ближайшие государства-соседи Казахстана, такие как Россия и Китай, оцениваются респондентами в качестве возможного направления внешний миграции примерно одинаково невысоко (Россия – среднее значение 4,35%, Китай – среднее значение 5,95%).

Очень заметны различия между выбором, который делают респонденты из г. Нур-Султан и г. Алматы (рисунок 3.5). Если для Алматы сохраняется лидирующая позиция Турции (38,0%), то в Нур-Султане на первое место выходят страны Северной Америки (32,0%). Возможно, одним из факторов, влияющим на это, выступает большее распространение в столице образования на английском языке.

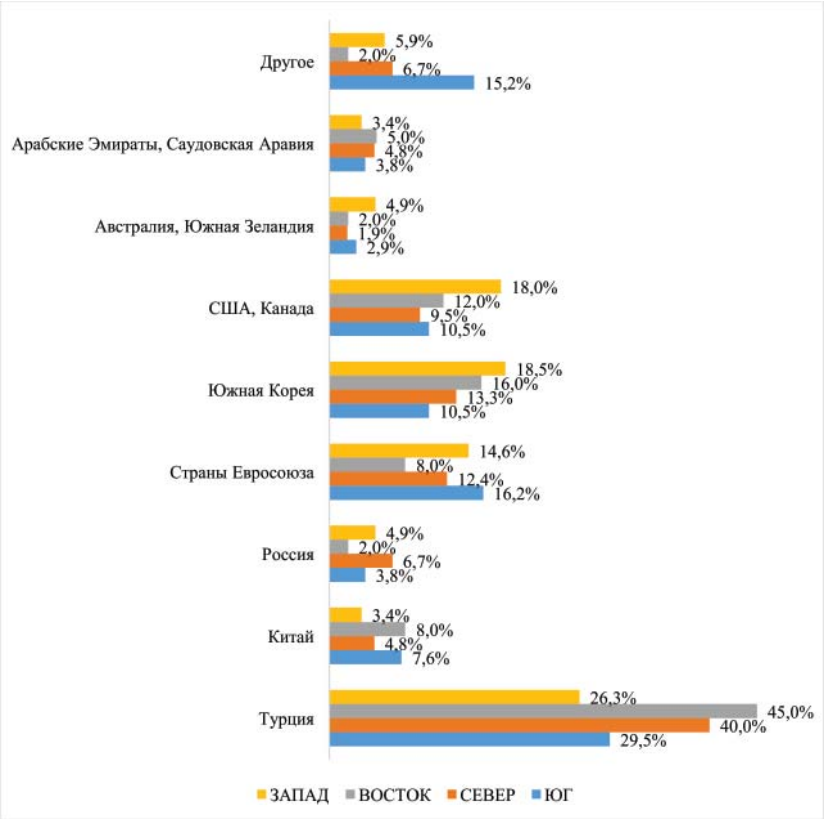

Рисунок 3.5 – Возможные направления внешней миграции. Регионы

Значимые различия в выборе направления потенциальной внешней миграции выявляет анализ ответов с точки зрения гендерной принадлежности респондентов. У женщин безусловно лидирует Турция – 40,2%, у мужчин на первом месте страны Евросоюза – 22,2%, а Турцию отмечает только 16,0%.

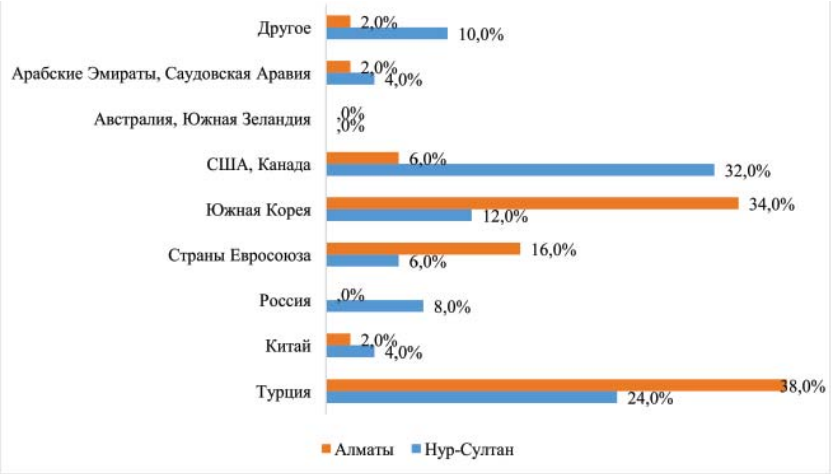

Рисунок 3.6 – Возможные направления внешний миграции. Гг. Нур-Султан и Алматы

Целью следующего вопроса было определить, какие причины или условия могут побудить молодежь к отъезду в другую страну (рисунок 3.7). Так как участники опроса могли отметить больше одного варианта, сумма процентов превышает 100.

Рисунок 3.7 – Возможные условия отъезда в другую страну

Респондентам в третий раз была предоставлена возможность подтвердить, что их намерения остаться жить в Казахстане имеют прочную основу. Для этого им был предложен вариант «Я не уеду из своей страны ни при каких обстоятельствах». Число тех, кто дал такой ответ – 8,3%. Между регионами эти ответы распределились так: юг – 3,3%, запад 3,1%, север и восток по 0,9%. Скачкообразный рост числа ответов, свидетельствующих о потенциально рассматриваемой возможности отъезда в другую страну, приводит к мысли, что латентные установки на внешнюю миграцию очень высоки.

Основными условиями, которые могут сподвигнуть к отъезду, респонденты называли три – возможность высоких заработков, возможность получить хорошее образование (и, предположительно, повысить шансы на высокие доходы) и возможность значительно улучшить жилищные условия. Все эти причины, прямо или косвенно, указывают на социально-экономическую мотивацию миграционной активности. Более абстрактные формулировки – «Если не смогу реализовать себя в своей стране» и «Если в другой стране я смогу добиться большего успеха», которые не были конкретизированы респондентами в варианте «Другое», выбрали соответственно 16,1% и 19,2% опрошенных. Два этих варианты, по сути, являются двумя сторонами одной медали, и связаны обобщенным понятием «успеха». Такой выбор может косвенно подтверждать, что эти респонденты действительно всерьез не задумывались о возможности отъезда.

Отдельно необходимо охарактеризовать выбор варианта «Если я или мои близкие подверглись бы преследованию по политическим, религиозным, этническим или иным причинам». Этот вариант отметили 17,5%, что может указывать на наличие некоторой степени тревожности, связанной с социально-политическими условиями в стране. Причем, проявление этой тревожности очень разнится по регионам (от 6,0% на востоке до 30,5% на юге) и в зависимости от гендерной принадлежности (от 12,9% у женщин до 29,2% у мужчин).

В следующем вопросе акцент делался не на вероятных причинах отъезда, а на целях и долговременных последствиях такого вы-

бора (рисунок 3.8).

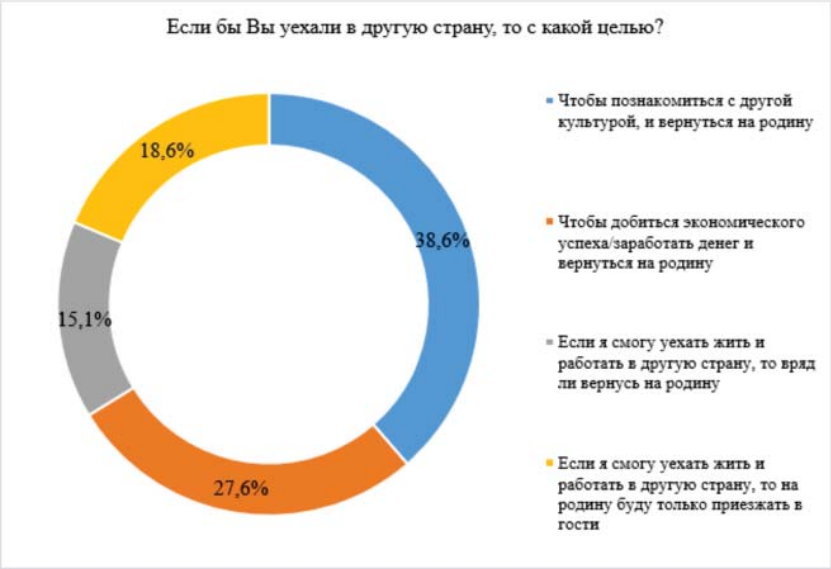

Рисунок 3.8 – Возможные цели отъезда в другую страну

Предложенные варианты ответа, при заметном отличие в формулировках, фактически подразумевали две модели миграционного поведения. Первая модель – уехать, добиться успеха и/или достичь личностного роста, а затем вернуться на родину. Вторая модель – уехать и остаться на постоянное место жительства за пределами Казахстана. Поэтому, при анализе ответы респондентов были сгруппированы в соответствии с этими моделями (рисунок 3.9).

Полученные результаты указывают на то, что при высоком уровне латентных установок на внешнюю миграцию, две трети опрошенных предполагают последующее возвращение в Казахстан: 66,2% суммарно.

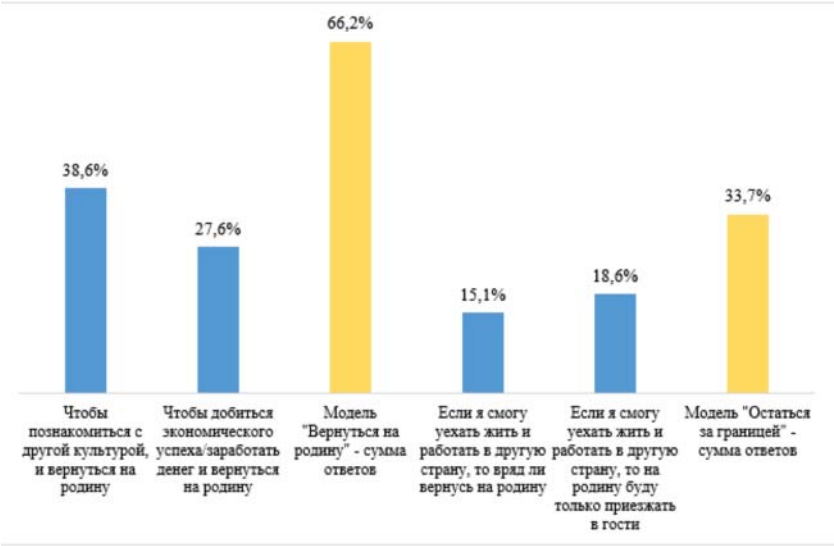

Рисунок 3.9 – Модели потенциальной внешней миграции

Используя метод логической группировки ответов, примененный выше, рассмотрим ситуацию по регионам (рисунок 3.10).

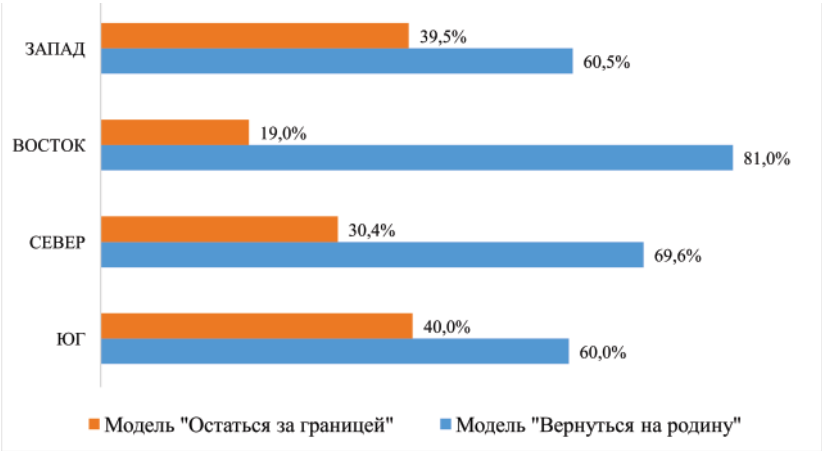

Рисунок 3.10 – Модели потенциальной внешней миграции. Регионы

Как видно на рис. 3.10, позиция респондентов восточного региона значительно отличается от других – выбор модели потенциальной внешней миграции «Остаться за границей» в два раза меньше, чем на юге и западе, в полтора раза меньше, чем на севере. Таким образом, среди участников опроса из восточного региона страны отмечается не только самый низкий показатель утвердительных ответов на вопрос «Рассматриваете ли Вы возможность переезда в другую страну?» (30,0% при среднем 39,4%), но и самый низкий показатель установок на потенциально безвозвратную миграцию (19,0% при среднем 33,7%). В разрезе конкретных городов самые высокие показатели выбора модели безвозвратной миграции отмечаются в Кызылорде (51,4%), Нур-Султане (46,0%) и Костанае (42,0%).

В свою очередь, анализ ответов на этот вопрос через призму гендерной принадлежности не фиксирует таких значимых различий: выбор модели ««Остаться за границей» для женщин составил 32,0%, для мужчин – 38,2%. Это колебания показателей вполне соотносится с тем, что женщины в целом проявляют меньший интерес к внешней миграции, о чем уже говорилось выше.

В начале этого раздела говорилось о больших миграционных, в том числе и эмиграционных, возможностях, которые открылись перед современной казахстанской молодежью. Как участники опроса оценивают свою конкурентоспособность – уровень профессиональной и языковой подготовки?

У респондентов спросили: Как Вы считаете, в случае переезда в другую страну Вашей профессиональной и языковой подготовки будет достаточно, чтобы быстро устроится на хорошо оплачиваемую работу? Полученные ответы представлены на рисунке 3.11.

Рисунок 3.11 – Оценка респондентами своего уровня языковой и профессиональной подготовки.

Интересно, что южном регионе, где отмечается самый высокий уровень потенциальной внешней миграции, показатели самооценивания респондентов их языковой и профессиональной подготовки самые низкие – на 13,3% ниже среднего уровня. В тоже время, самые высокие показатели фиксируются в восточном регионе – почти на 7% выше среднего значения, при этом респонденты с востока страны в значительно меньшей степени демонстрируют вероятность отъезда за рубеж.

Выше отмечалось, что каждый третий респондент, рассматривая гипотетическую возможность отъезда за пределы Казахстана, предположил, что он не вернется на родину. Следовательно, он рассчитывает, что сможет комфортно устроиться на новом месте. Кто, по мнению респондентов, должен нести основную ответственность за благополучие мигранта на новом месте жительства? Ответы на этот вопрос представлены на рисунке 3.12.

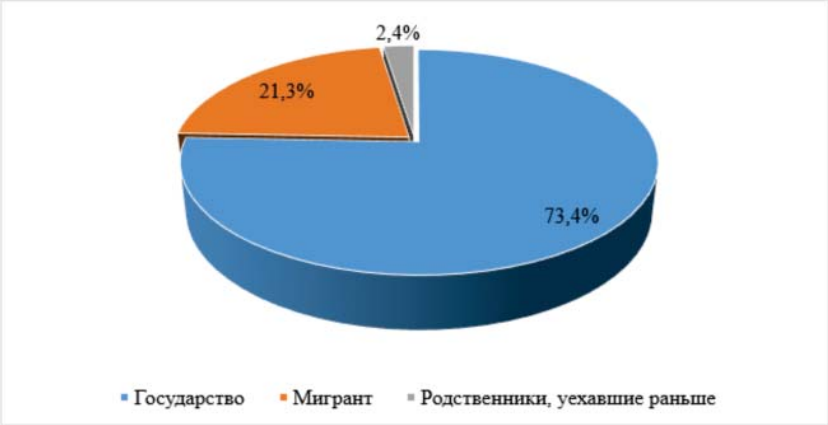

Рисунок 3.12 – Кто несет главную ответственность за благоприятные условия для мигрантов, прибывающих в чужую страну?

При анализе полученных ответов выясняется, что основную ответственность за благоустройство мигрантов в чужой стране, по мнению подавляющего большинства респондентов, должно взять на себя государство. Лишь пятая часть опрошенных указали, что главная ответственность лежит на самом мигранте.

Интересно, что ответы на этот вопрос не выявляют серьезных различий между респондентами в зависимости от их пола, но фиксируют заметные расхождения в зависимости от региона проживания (таблица 3.1).

Таблица - 3.1 - Кто несет главную ответственность за благоустройство мигранта в чужой стране, при переезде на постоянное место жительства?

Регионы	**Государство**	**Мигрант**	**Родственники, уехавшие раньше**
Юг	67,3%	23,1%	2,9%
Север	73,5%	18,6%	5,9%

Продолжение таблицы 3.1			
Восток	78,6%	18,4%	2,0%
Запад	73,9%	23,1%	0,5%
Нур-Султан	62,5%	27,1%	2,1%
Алматы	93,8%	6,3%	0,0%

Респонденты во всех регионах на первое место ставят государство в качестве основного субъекта ответственности за благополучие прибывающих мигрантов. Возможно, на такие представления оказала влияние информация о программе. В тоже время, нельзя не заметить, что самые большие расхождения по этому показателю приходятся на два самых значимых города страны – Нур-Султан и Алматы. Участники опроса из этих мегаполисов демонстрируют совершенно полярные подходы – в Нур-Султане самый низкий показатель ответственности государства (62,5%), в Алматы – самый высокий (93,8%).

Вариант ответа «Родственники, уехавшие раньше» был предложен респондентам не случайно. Известно, что миграция на постоянное место жительства в другую страну часто носит семейный, в некоторых случаях даже клановый, характер. Более того, воссоединение семьи является частым основанием для получения вида на жительство или гражданства, признается законным большинством государств мира на уровне международных документов и национальных законодательств.

Для жителей Центральной Азии характерно сохранение прочных и разветвленных семейных связей. Оказывает ли это влияние на миграционные установки участников опроса, позволяют судить ответы, полученные на вопрос «Если бы Вы уехали в другую страну, то приложили бы усилия в перспективе перевезти своих родителей или других родственников?». Респонденты могли выбрать один из трех вариантов ответа: «Да, обязательно», «Возможно» и «Нет, не думаю». Остановим внимание на третьем варианте, так как он, гипотетически, является отрицанием традиционной модели поведения (рисунок 3.13).

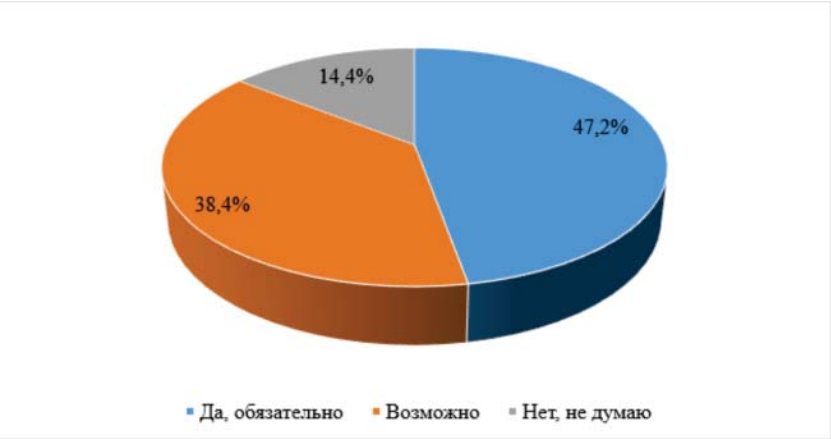

Рисунок 3.13 - Если бы Вы уехали в другую страну, то приложили бы усилия в перспективе перевезти своих родителей или других родственников?

Среднее значение этого показателя составило 14,4% и это самый редко выбираемый вариант. Однако, нельзя не отметить, что мужчины отмечали этот вариант в полтора раза реже, чем женщины (10,4% и 15,9% соответственно). Но, еще заметнее становятся различия между регионами: на считающемся более традиционном юге число тех, кто ответил на данный вопрос отрицательно, составило 31,4%. То есть, практически каждый третий респондент в случае отъезда за границу предпочел бы жить не только вдали от родины, но и вдали от родных (в г. Кызылорда – 48,0%). Ближе всего к среднему показателю (14,4%) ответы опрошенных из западного и северного регионов – 11,2% и 10,5%. Число отрицательных ответов на востоке самое низкое – 7,0%. В городах Нур-Султан и Алматы, в которых до этого часто фиксировались отклонения от средних значений, этот показатель составил 14,0% и 12,0%.

Внутренние миграции населения. В последние десятилетия в Казахстане фиксируется значительный объем внутренних миграций, характерной чертой которых является урбанизационный вектор. Подобные процессы с разной степенью интенсивности отмечаются во многих странах мира, так как урбанизация высту-

пает одним из основных трендов современности, Особенностью Казахстана является то, что в суверенный период активные урбанизационные процессы охватили именно казахское население и в первую очередь это коснулось молодежи. Такая миграционная подвижность может принимать разные формы, но для молодых возрастных групп наиболее характерна учебная миграция как первая стадия превращения сельских жителей в горожан. Несмотря на такие государственные программы, как например, «с дипломом в село», завершив профессиональное образование, молодежь стремится остаться в городах и видит свое будущее в городском пространстве. Это подтверждают и результаты опроса (рисунок 3.14).

Рисунок 3.14 – Потенциальная внутренняя миграция

Участники опроса уже проживают в областных центрах, этим объясняется то, что три четверти опрошенных не высказывают желание менять место жительства, но из оставшейся части только 1,2% хотели бы переехать в сельскую местность, а почти 20.0% указали в качестве желаемого места жительства другие города Казахстана. Чаще всего заявляли о своем желании сменить город респонденты из Костаная (54,3% от общего числа выбравших этот вариант), Тараза (39,4%) и Кызылорда (29,4%). Реже всего о своем желании переехать говорили респонденты из Уральска (2,9%), Ал-

маты (4,0%) и Павлодара (9,1%).

Назвали конкретный город 15,3% опрошенных. В целом выбор городов – потенциальных мест переезда, выглядит следующим образом (рисунок 3.15). На диаграмме представлены доли от числа тех, кто указал название городов.

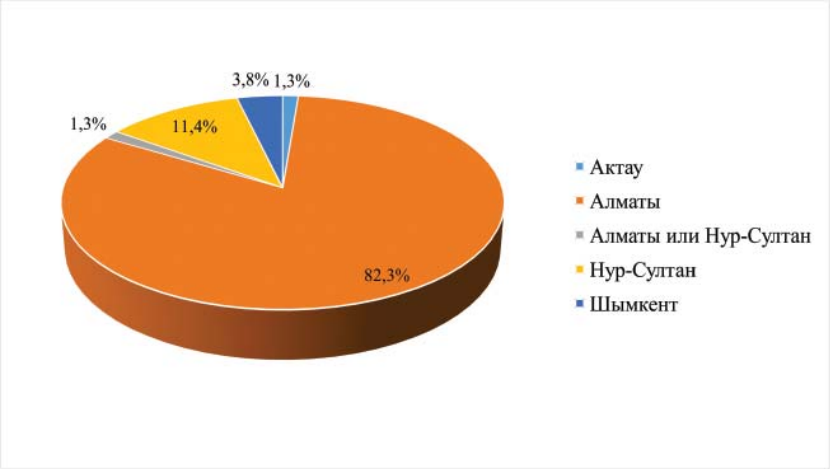

Рисунок 3.15 – Выбор городов для потенциальной внутренней миграции

Безусловным городом-лидером, наиболее привлекательным в качестве места жительства, участники опроса назвали Алматы – 63,7% от числа тех, кто выбрал вариант ответа «в другой город Казахстана» и 82,3% от числа респондентов, давших конкретный ответ. То есть, г. Алматы – это наиболее привлекательный вариант смены места жительства для тех, кто хотел бы переехать в пределах Казахстана. Данный выбор характерен для представителей всех регионов.

Ранее респондентам был задан вопрос «Если бы Вы уехали в другую страну, то приложили бы усилия в перспективе перевезти своих родителей или других родственников?» на него было дано 14,4% отрицательных ответов (рисунок 3.13). Подобный вопрос был задан и в связи с возможностью переезда на территории Казахстана, сумма отрицательных ответов в этом случае составила

15,9% (рисунок 3.16). Выше отмечалось, что такой вариант ответа менее характерен для мужчин, чем для женщин. Эта тенденция сохранилась и при ответе на данный вопрос (женщины – 17,0%, мужчины 13,2%).

Наиболее заметные различия ранее отмечались при анализе ответов через призму региональной принадлежности респондентов – диапазон колебания отрицательных ответов тогда составил 24,4% (восток – 7,0%, юг – 31,4). Отвечая на вопрос «Если бы Вы переехали в другую местность в Казахстане, то приложили бы усилия в перспективе перевезти своих родителей или других родственников?» представители разных регионов также продемонстрировали разные позиции: число отрицательных ответов составило от 8,0% на востоке до 26,7% на юге. Получается, что для молодежи южного региона в значительно большей степени, чем для их ровесников из других частей Казахстана, характерно стремление начать самостоятельную, отдельную от родителей и других родственников, жизнь. Эти настроения не зависят от того, будет ли эта жизнь проходить в республике или за ее пределами.

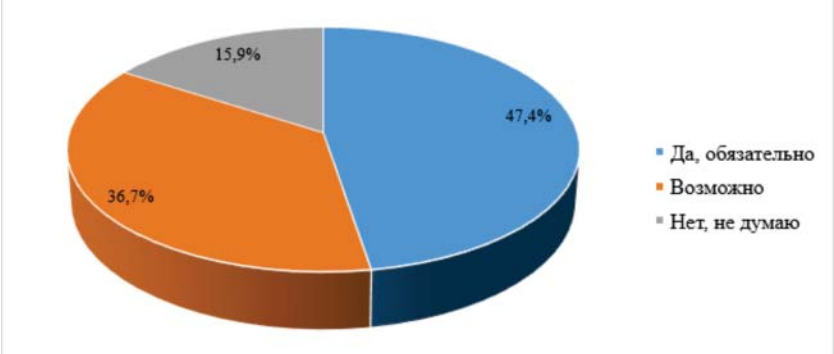

Рисунок 3.16 - Если бы Вы переехали в другую местность в Казахстане, то приложили бы усилия в перспективе перевезти своих родителей или других родственников?

Проведенный опрос нацелен на выявление миграционных и репродуктивных установок, свойственных современной казахстанской молодежи. Как эти установки реализуются или не реа-

лизуются на практике - покажет будущее. Но, говоря о миграционных установках можно уже сейчас оценить, насколько готовность к мобильности является латентной, потенциальной (допускается мысль о мобильности при наличии определенных условий) или уже актуализируется в конкретные шаги и действия.

Напомним, что на прямые вопросы «Рассматриваете ли Вы возможность переезда в другую страну?» и «Хотели бы Вы переехать на постоянное место жительства в сельскую местность или другой город Казахстана?» респонденты дали следующее число утвердительных ответов – 39,4% и 19,8% соответственно.

Это свидетельствует, во-первых, что потенциальная готовность к внешней мобильности значительно выше, чем потенциальная готовность к мобильности внутренней. В этом случае важно то, что все респонденты на момент опроса уже проживали в областных или республиканских центрах. То есть, с точки зрения внутренних урбанизационных процессов, цель уже достигнута. Вероятно, при опросе молодежи, проживающей в сельской местности, результаты были бы совсем другими, но важно понимать, что именно городская молодежь будет определять основные тренды миграционных процессов (как и многих других) в последующие годы. Во-вторых, что суммарный показатель потенциальной готовности к миграционной активности составляет 59,2%.

Помимо потенциальной готовности к миграции существует и актуальная, то есть та, которая уже реализуется в конкретных подготовительных действиях. В этом случае вероятность осуществления переезда значительно возрастает. Каков уровень актуальной готовности к миграционному движению, зафиксированный опросом, можно увидеть на рисунке 3.17.

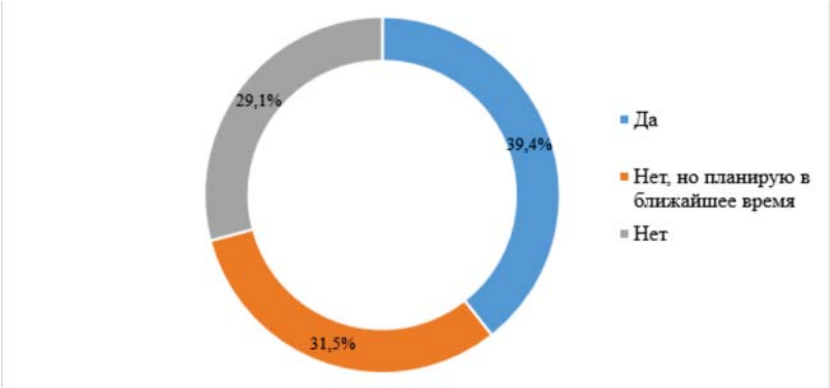

Рисунок 3.17 - Вы уже предпринимаете какие-то практические шаги по организации переезда (Оформление необходимых документов, поиск работы на новом месте жительства, поиск жилья и т.д.)?

Чтобы оценить значение утвердительных ответов на этот вопрос, сопоставим показатели потенциальной миграционной активности и актуальной готовности к переезду в разрезе регионов (таблица 3.2).

Таблица - 3.2 – Показатели потенциальной и актуальной миграционной активности. Регионы

Регионы	**Потенциальная внешняя миграционная активность**	**Потенциальная внутренняя миграционная активность**	**Актуальная миграционная активность**
Юг	40,9%	35,0%	22,9%
Север	36,2%	32,0%	41,9%
Восток	30,0%	20,2%	51,0%
Запад	41,9%	10,7%	41,0%
Нур-Султан	58,0%	15,6%	16,0%
Алматы	38,0%	4,0%	60,0%

Полученные данные демонстрируют очень противоречивую картину: самые высокие показатели потенциальной миграционной активности фиксируются в г. Нур-Султан, при этом здесь самый низкий уровень актуальной миграционной активности. Еще больший интерес вызывают ответы, полученные от респондентов из г.Алматы, где уровень актуальной миграционной активности значительно выше, чем показательный потенциальной миграционной активности. Возможно, для определенной части респондентов смена места жительства – явление вынужденное, а не желательное. Если этот результат не является следствием погрешности конкретного исследования, то эта проблема требует дальнейшего изучения.

Подводя итог этого блока исследования, остановимся на сравнении позиции респондентов по вопросу ответственности за создание условий для мигрантов на новом месте. Выше уже приводились данные, которые отражали мнение участников опроса касательно внешней миграции. Теперь есть возможность сравнить их с отношением к ответственности за создание условий для внутренних мигрантов (таблица 3.3).

Таблица - 3.3 - Кто несет главную ответственность за благоустройство мигранта при переезде на постоянное место жительства?

Регионы	**Государство**		**Мигрант**		**Родственники, уехавшие раньше**	
	Внешняя миграция	Внутренняя миграция	Внешняя миграция	Внутренняя миграция	Внешняя миграция	Внутренняя миграция
Юг	67,3%	69,2%	23,1%	24,0%	2,9%	1,0%
Север	73,5%	82,4%	18,6%	9,8%	5,9%	3,9%
Восток	78,6%	83,7%	18,4%	15,3%	2,0%	0.0%
Запад	73,9%	77,9%	23,1%	17,6%	0,5%	0,0%
Нур-Султан	62,5%	68,8%	27,1%	16,7%	2,1%	0,0%
Алматы	93,8%	91,7%	6,3%	6,3%	0,0%	0,0%

Сравнение ответов на два вопроса показывает, что подавляющая часть респондентов фактически снимает с мигранта ответственность за его благополучие на новом месте жительства, перекладывая этот груз на плечи государства. И не важно, идет ли речь о миграции внешней или внутренней. Все это свидетельствует о сильнейших патерналистских установках, продолжающих определять отношение молодежи к сфере миграционной активности. По-видимому, этот аспект мышления еще не подвергся значимой модернизации.

Выводы по разделу «Миграционные установки казахстанской молодежи».

1. Данные опроса фиксируют, что более трети опрошенных как минимум рассматривают возможность переезда в другую страну. Уже этот результат позволяет говорить о высоком потенциале внешней миграции. Однако, результаты фокус-групп и ответы на косвенные вопросы анкеты свидетельствуют, что этот потенциал значительно выше и, возможно, охватывает две трети представителей молодого поколения казахстанцев, проживающих в областных центрах и городах республиканского значения.

Особенно это характерно для возрастной группы 22-25 лет, когда профессиональная подготовка уже получена, а собственные семьи есть не у многих. Дополнительным подтверждением этого вывода может служить тот факт, что уровень потенциальной эмиграционной активности выше у мужчин, чем у женщин, так как возраст создания семьи у мужчин также выше. Кроме того, эти данные соответствует общемировым гендерным тенденциям миграционной активности.

Также необходимо отметить заметно более высокий уровень потенциальной внешней миграционной активности в южном и западном регионах республики и таких городах, как Нур-Султан, Тараз и Актобе – где суммарное число утвердительных ответов превышает 50%. (много молодежи! – в заключение).

2. Практически все респонденты не затруднились указать конкретное направление потенциальной эмиграции, что дополнительно указывает на очень высокий уровень латентной миграционной активности, о чем говорилось выше. Среди всех названных ре-

спондентами направлений безусловно лидирует Турция – более трети ответов участников опроса и почти половина участников групповых интервью. Однако, надо понимать, что это указание на желания респондентов. Возможно, исходя из реальных условий, преобладать на практике будут другие направления, более доступные для переезда (там, где гранты – в заключение). Для Нур-Султана характерны иные векторы потенциальной внешней миграции – Южная Корея, США и Канада. То есть, для столичных студентов меньшее значение имеют такие факторы, как языковая и культурно-религиозная близость, большее влияние приобретает высокий уровень социально-экономического развития принимающих территорий и (судя по результатам фокус-групп) их общая «продвинутость». В этом случае проявляется желание попасть в высоко модернизированную социальную среду, что возможно, говорит об неудовлетворенности (в том числе, хорошо осознаваемой респондентами) темпами модернизации казахстанского общества.

3. Основные причины возможного отъезда, которые указывали респонденты, носят определенно экономический (высокие доходы), социально-экономический (комфортные жилищные условия) и культурно-экономический (хорошее профессиональное образование) характер.

Называя цели потенциальной эмиграции, участники опроса позволили определить, на какую модель миграционной активности у них присутствует установка: возвратную или невозвратную. Судя по полученным данным, превалирует первая модель «Уехать, чтобы потом вернуться на родину». То есть, для большинства респондентов отъезд за рубеж – это способ достичь успеха и вернуться домой в более высоком социальном, экономическом, образовательном статусе, либо, на основе полученных в другой стране знаний и опыта, достигать успеха уже на родине. Такая модель преобладает во всех регионах, но особенно ярко она выражена у респондентов из восточной части страны. В тоже время, в трех городах – Кызылорда, Нур-Султан и Костанай – число респондентов, выбравших модель безвозвратной эмиграции превышает средний показатель по стране более, чем на 10%.

4. Потенциальная установка на внешнюю миграцию имеет тем

больше шансов реализоваться в реальное миграционное поведение, чем в большей степени человек уверен в своей языковой и профессиональной готовности к адаптации в другой стране, в первую очередь – адаптации экономической. То есть, если он убежден, что его языковых и профессиональных знаний будет достаточно, чтобы быстро найти хорошо оплачиваемую работу. Такую уверенность продемонстрировали более трети респондентов, а этот факт повышает вероятность, что они могут от намерений перейти к практическим действиям. При этом, еще почти 17,0% опрошенных заявили, что, хотя на данный момент их подготовки недостаточно, но они рассчитывают получить необходимые знания уже в другой стране. Несколько снижает риски эмиграции тот факт, что южных регионах, где фиксируются наиболее высокие установки на внешнюю миграцию, одновременно отмечается и самый низкий показатель готовности к ней с точки зрения оценки респондентами своих языковых навыков и профессиональной подготовки.

5. Важным индикатором трансформации традиционных семейных связей в условиях чрезвычайно активной внешней и внутренней миграции становится стремление или его отсутствие «собирать» родственников на новом месте жительства. В этом отношении очень показательно, что около половины респондентов утверждают, что они готовы приложить усилия, чтобы обеспечить переезд своих родителей или других родных в случае, если сами мигрируют за рубеж. Одновременно с этим более трети предположили, что это возможно, но не смогли ответить с полной убежденностью, а еще почти 15% ответили на этот вопрос отрицательно. Таким образом, мы можем видеть сочетание разных позиций, отражающих неоднозначность процессов эволюции семейных связей и ценностей на фоне высокой миграционной активности. Особенно это заметно в ответах респондентов из южного региона, где контраст между сохранением традиционных устоев и модернизацией проявляется наиболее интенсивно.

6. Еще более важной характеристикой миграционных процессов в Казахстане, чем потенциальная эмиграционная активность, является внутренняя подвижность населения. Неопровержимым фактом является то, что главным и доминирующим вектором этой

подвижности выступает урбанизация – стремление казахстанцев, и особенно молодежи, переехать из сельской местности в города. Участники опроса уже живут в областных центрах и городах республиканского значения, а это значит, что основная цель урбанизационного движения ими достигнута. Как это отражается на их установках на внутреннюю миграцию? Три четверти опрошенных указали, что в пределах Казахстана они не хотят никуда переезжать. То есть, сделанный выше вывод подтверждается. Центрами притяжения внутренней миграции для представителей молодежи всех регионов выступают города Алматы и Нур-Султан, Алматы намного превосходит столицу по миграционной привлекательности.

7. Выше уже отмечалось, что, судя по ответам участников опроса, заметная часть молодежи не стремиться при переезде за рубеж обеспечить совместное проживание со своими родителями или другими родственниками на новом месте. Эта тенденция проявляется и в случае смены места жительства в пределах страны и, как и в первом случае, более характерна для южных регионов. Можно предполагать, что одним из проявлений урбанистической модернизации является стремление поддерживать несколько большую социальную дистанцию, чем это принято в традиционной расширенной семье.

8. Для казахстанской молодежи, проживающей в крупных городах, характерен более высокий уровень потенциальной внешней мобильности, чем мобильности внутриказахстанской (по результатам опроса – в два раза). Причина этого различия в том, что основная задача внутренней миграции – урбанизация – для большинства респондентов уже решена. Это вывод, со всей очевидностью, не может быть распространен на сельскую молодежь, но учитывая перетекание молодежи в города и постепенное старение населения в сельской местности, именно этот тренд будет приобретать все большее значение в ближайшие годы. То есть, чем больше молодежи будет концентрироваться в городах Казахстана, тем выше будет потенциал внешней миграции.

9. Потенциал внешней миграционной активности не обязательно реализуется в активность реальную. Особенно заметны

расхождения в типе миграционных установок в южном регионе и г.Нур-Султан – число респондентов, предпринимающих практические шаги к переезду значительно ниже, чем число респондентов, указывающих на потенциальную возможность переезда. Напротив, высокий уровень актуальной миграционной активности демонстрируют респонденты восточного, северного и западного регионов. Особую ситуацию фиксируют ответы участников опроса из Алматы, где число тех, кто указал, что уже предпринимает практические шаги к переезду значительно выше, числа тех, кто заявлял лишь о потенциальной возможности миграции.

10. Делая выводы по разделу «Миграционные установки» нужно отметить, что одним из важных критериев фактической готовности к миграции и последующей адаптации после переезда является то, на кого потенциальный мигрант возлагает основную ответственность за свое благополучие на новом месте жительства. Почти три четверти респондентов убеждены, что эти вопросы должно решать государство, и лишь пятая часть опрошенных считают, что основная ответственность лежит на самом мигранте. Причем, такая позиция проявляется не только в вопросе о внутренних миграциях, но и в вопросе о внешней миграции. Такое распределение мнений свидетельствует о глубоких патерналистских воззрениях, приходящих в противоречие с современной реальностью. Ярче всего эти настроения проявляются у респондентов из восточного региона. В аспекте конкретных городов самый высокий показатель фиксируется в г. Алматы – более 90% респондентов возложили ответственность за благополучие мигрантов на государство. Самый низкий такой показатель отмечается в столице, но и здесь он превышает 60%. В целом это говорит о завышенных ожиданиях потенциальных мигрантов и может приводить к росту социальной напряженности, открытому выражению неудовольствия «недостаточными» действиями властей, предъявлению претензий государственным структурам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги исследования репродуктивных и миграционных установок представителей казахстанской молодежи, проживающей в крупных городах (областных центрах и городах республиканского значения) необходимо отметить следующее:

1. Репродуктивные установки находятся в стадии трансформации – хотя многодетность еще представляется трети респондентов привлекательной личной перспективой и нормой для казахстанских семей, заметно превалируют установки на среднедетность и малодетность, особенно явно это проявляется в сравнении с уже реализованным репродуктивным поведением родительского поколения.

Наиболее остро эти процессы протекают у представителей южного региона: с одной стороны, их установки на многодетность выше, чем в других регионах, с другой – и снижение этих установок по сравнению с предыдущим поколением более заметно.

Определенный рост установок на среднедетность наблюдается во всех регионах – если они реализуются в репродуктивном поведении, то возможно некоторое выравнивание показателей рождаемости по республике – небольшое снижение на юге, рост на севере и востоке. Однако, учитывая инерционный характер демографических процессов, вряд ли эти изменения в ближайшем будущем снизят риски, которые уже актуализировались.

Отдельно отметим специфику репродуктивных установок в городах Нур-Султан и Алматы. В этих городских агломерациях концентрируется все большее количество населения, в первую очередь – они выступают центрами притяжения для казахстанской молодежи. При этом репродуктивные установки молодых жителей этих городов значительно отличаются от репродуктивных установок респондентов из других городов прилегающих регионов. То есть, многие репродуктивные установки и связанные с этим ценностные воззрения жителей Алматы по своему типу ближе не к южному региону, а к регионам восточному и северному. В свою очередь, репродуктивные установки молодых жителей Нур-Султана представляют собой сложный микст позиций, характерных для разных

регионов – это дополнительно указывает на связь между репродуктивными установками и миграционным поведением. В то же время жители Нур-Султана в отдельных вопросах демонстрируют более прагматичный подход к вопросам воспроизводства и воспитания детей, чем представители других регионов.

Респонденты-женщины более подвержены влиянию процессов урбанизации в своих репродуктивных установках, они в большей степени, чем мужчины, ориентированы на малодетность, а установки на многодетность у них в целом ниже, чем у мужчин. На первый план среди факторов, влияющих на принятие решения о рождении ребенка у женщин выходят безопасность района проживания (что не всегда можно обеспечить в больших городах) и наличие благоустроенного жилья (что также может стать проблемой для молодой семьи в современных условиях).

В то же время респонденты обоих полов не склонны принимать во внимание проблемы, связанные с наличием в семье людей с ограниченными физическими возможностями, утверждая, что это не является причиной откладывать рождение детей. Такая позиция усиливает риски социальной уязвимости. Это особенно важно, учитывая тот факт, что основную ответственность за создание условий для рождения и воспитания детей все респонденты перекладывают на государство и женщины это делают даже в большей степени, чем мужчины.

Отношение к детям, их ценность и значимость – это безусловный приоритет представителей всех регионов. Но, в этой сфере наблюдается сложное и противоречивое сочетание установок, характерных для традиционного мышления: ребенок - ценность как объект воспитания и социальная гарантия будущего родителей; и установок, более соответствующих модернизированным воззрениям на место и роль детей в семье и обществе: ребенок - ценность как субъект взаимоотношений и относительно автономная личность с собственными взглядами, мнениями и позициями, с которыми необходимо считаться. У всех участников опроса второй подход преобладает в большей или меньшей степени, но наиболее выражено это фиксируется в ответах жителей столицы.

В современных казахстанских городах среди молодежи распро-

странены разные типы репродуктивных установок: традиционные (многодетность), модернизированные (малодетность, среднедетность). Наблюдается прирост из зон многодетности и малодетности в зону среднедетности. Этот вектор характерен для всех регионов, но его начальные точки разные – на юге и западе за счет снижения установок на многодетность, на севере и востоке за счет снижения установок на малодетность.

Мотивами репродуктивных установок является безусловная ценность детей. В эту ценность включается фактор социальных гарантий, которые должны обеспечить дети в будущем, на случай болезни и старости родителей. Такая мотивация косвенно указывает на низкий уровень доверия к специализированным социальным институтам и является характерной для традиционного общества, где государство не решало вопросов социального обеспечения населения. Сохранение подобной мотивации у современной молодежи – свидетельство серьезных дисфункций государственной системы социального обеспечения.

Степень сформированности запроса на условия социализации детей не высока – четыре фактора, способных оказать значимое влияние на принятие решения о рождении ребенка указали респонденты:

1) Неблагополучный района проживания (высокий уровень криминогенности);

2) Отсутствие доступных специализированных медицинских услуг (детская поликлиника, врач-педиатр);

3) Отсутствие благоустроенного жилья;

4) Отсутствие доступных учреждений дошкольного воспитания и развития (детские сады, детские центры раннего развития).

Но, даже они набрали лишь 40–50%. А такое базовое условие как доступность качественного школьного образования (право, гарантированное Конституцией РК) указали только треть респондентов.

То есть, по результатам опроса, даже отсутствие этих условий, определяющих возможности трансформации социальных ресурсов в развитый социальный капитал страны, не будет оказывать значимого влияния на репродуктивное поведение опрошенных.

В том, что касается миграционных установок респондентов, также необходимо сделать ряд замечаний.

Для участников опроса характерны более высокие установки на внешнюю миграцию, чем на внутреннюю. Это объясняется тем, что все респонденты уже проживают в крупных городах, то есть урбанизационная задача ими уже решена, на повестке дня может стоять вопрос только переезда за границу. Три четверти опрошенных не хотели бы менять место жительства внутри Казахстана. Этот показатель колеблется от 65% на юге до 90% на западе. В тех случаях, когда речь заходит о потенциальной внутренней миграции, из нее практически исключается сельская местность, а среди возможных целей чаще всего называется г. Алматы.

В западном регионе фиксируется самый низкий показатель потенциальной внутренней миграции (около 11%), но самый высокий показатель потенциальной внешней миграции (почти 45%). Самые высокие показатели потенциальной внешней миграции отмечаются не столько в регионах, сколько в конкретных городах – Нур-Султан, Тараз, Актобе. В качестве гипотезы можно предположить, что эти показатели каким-то образом коррелируются с процессами концентрации молодежи и уровнем полученной ими профессиональной и языковой подготовки.

На основе полученных данных можно также предположить, что основные направления, в которых потенциальная миграционная активность может трансформироваться в актуальное миграционное поведение в ближайшие годы, будут определять международными грантовыми образовательными программами. Молодежь поедет учиться за границу не только, и возможно, не столько потому, что считает образование за рубежом лучше, чем в Казахстане, сколько потому, что это наиболее доступный легальный способ расширить свои горизонты. Те государства, которые предложат наиболее привлекательные условия для обучения казахстанской молодежи, имеют все шансы приобрести их в качестве будущего социального капитала.

Сегодня для представителей практически всех регионов наиболее популярной страной для потенциальной внешней миграции выступает Турция, что можно объяснить близостью, языка, куль-

туры и религии. Исключение составляют респонденты из Нур-Султана, которые более ориентированы на Южную Корею, США и Канаду.

Большая часть респондентов не рассматривают модель безвозвратной эмиграции, они предполагают последующее возвращение на родину.

Весьма вероятно, что та часть молодежи, которая решит реализовать отмеченный потенциал внешней миграции, столкнется с рядом серьезным проблем – их ожидания весьма завышены, так как они возлагают основную ответственность за благоустройство на новом месте на принимающее государство. Важно сказать, что и в случае внутренней миграции именно государство, по мнению респондентов, должно взять на себя основную заботу по созданию комфортных условий проживания для внутренний переселенцев.

Подводя общие итоги исследования необходимо отметить следующее:

Основным риском, способным перерасти уже краткосрочной и среднесрочной перспективе в реальные угрозы, видится противоречие между высокими темпами роста рождаемости (особенно в южных регионах) и отставанием условий трансформации человеческих ресурсов в человеческий капитал.

Как показывают результаты опроса, в сознании значительной части молодежи родительство имеет как сакральную ценность – этническая идентичность, связь с идеализированным и мифологизированным традиционным прошлом (некий «золотой век», весьма далекий от исторической реальности), так и рационально-утилитарную – в условиях низкого уровня доверия институтам социального обеспечения дети воспринимаются как гарантия старости более надежная, чем государственная пенсионная система. Сегодня в Казахстане одни из самых высоких пенсий на постсоветском пространстве, но это касается тех, кто в предыдущие десятилетия получил профессиональное образование и работал на достаточно квалифицированных работах несколько десятилетий. Для сельской местности, с высоким числом самозанятых (что особенно характерно для южный регионов, но не только) преимущества институализированных форм социальной поддержки не очевидны.

Однако, стать опорой старшего поколения выросшие дети могут только в том случае, если они смогут эффективно адаптироваться к новым экономическим условиям постиндустриального города. Это значит, что уже сегодня все дети должны получить доступ к таким условиям социализации, которые позволят сформироваться хорошо образованной личности, обрести «открытое сознание» (один из приоритетов программы Рухани жангыру). В то же время в стране наблюдается не только рост рождаемости, но и рост дефицита мест в общеобразовательных школах, а нехватка учителей младших классов стала насущной проблемой. В этой связи тревожным выглядит результат, когда только треть респондентов назвали отсутствие доступа к качественному школьному образования в числе причин, способных повлиять на решение о рождении ребенка. То есть, сегодняшняя казахстанская молодежь, выражая различные репродуктивные установки, не просчитывает необходимые условия социализации для своих будущих детей.

В краткосрочной перспективе (3–5 лет) страна рискует столкнуть с ситуацией «обманутых надежд» многочисленного молодого поколения. Такая ситуация в среднесрочной (5–7 лет) и долгосрочной (7–10 лет) перспективе может реализовываться одновременно в несколько негативных сценариев: а) нарастание социальной напряженности в крупных городах, которые были призваны стать «точками роста», рост числа молодежи, чей уровень образования не позволил им обрести конкурентоспособность; б) объективное снижение социальных запросов, как способ избегания социального давления собственной «неуспешности»; в) усиление внешне миграционного оттока наиболее конкурентоспособной молодежи.

Остановимся на этих сценариях подробнее.

Сценарий первый. Ускоренная урбанизация – то есть массовое и быстрое перемещение сельского населения в города, приводит к взрывному росту численности городского населения. Во всем мире основную часть миграционных потоков, как внешних, так и внутренних, составляет молодежь. В Казахстане это для этого явления характерна форма учебной миграции, что вполне логично – город предоставляет такие условия получения профессиональ-

ной подготовки, которые не может предложить село. Городское пространство быстро наполняется «новыми горожанами», чья социализация в значительной мере опирается на опыт жизни в сельской местности. Сохраняя сильные связи с традиционной средой, эта молодежь оказывается вне привычной для них системы общественного контроля.

Далее происходит разделение на две очень различные группы – одна группа – это те, кто прикладывает значительные усилия, чтобы повысить свой образовательный уровень. Они понимают – чтобы добиться успеха в городе, нужно учиться лучше, чем коренные горожане. Другая группа – это те, кто не готов к новым интеллектуальным нагрузкам, обладает слабым самоконтролем, а отсутствие старших родственников буквально кружит головы иллюзией вседозволенности.

Конечно, описываемая ситуация не в полной мере отражает сложность процесса адаптации к городской среде, акценты сделаны на его полярных проявлениях. Но, проблема заключается в том, что представители обеих групп в равной степени подвержены риску не получить достойной и перспективной работы. Одним из важных отличий постиндустриальной экономики XXI века от индустриальной экономики XX века является снижение потребности в рабочих руках. Востребованы интеллект и социально ответственная креативность, для развития которых важнейшее значение имеет качественное образование. Но, как отмечалось выше, система среднего образования уже проявляет явные признаки дисфункции, которые усугубляются с ростом рождаемости. Даже те, кто хотел и старался учиться не всегда имеют возможность стать по-настоящему образованными людьми, что не позволяет поднять уровень конкурентоспособности. Следствием становится радикализация взглядов, рост криминальной составляющей в молодежной среде. Показатели динамики молодежной преступности в ближайшие годы – это один из важных индикаторов, позволяющих отслеживать развитие этого сценария.

Сценарий второй. По счастью, большинство людей склонны к конформному и законопослушному поведению, а значит, большинство молодежи избежит участия в деструктивных объединениях и

не станет на путь бунтарства. Способствовать этому будет семейное воспитание, традиции миролюбия и толерантности, открытое информационное пространство и другие позитивные факторы. Но, социальное разочарование, недоступность карьерного роста, творческой профессиональной самореализации, острое имущественное расслоение, которое особенно заметно в городском пространстве – все это будет приводить к формированию защитной реакции, выраженной в снижении жизненных запросов. Этот социальный механизм работает по формуле: если нельзя достичь высокого успеха, значит можно снизить само это понятие. Уже сегодня слышны высказывания молодежи, рассуждающей о своих будущих детях – «как-нибудь прокормим», «как-нибудь вырастут» и т.д. По данным исследования наличие в шаговой доступности специально оборудованных детских площадок, мест для прогулок с детьми, различных форм дополнительного развития и образования не входят в число обязательных условий для рождения детей для большинства респондентов.

Снижение уровня социальных запросов – это негативное явление для социума, так как именно рост осознаваемых потребностей является главным стимулом к общественному развитию, к прогрессу всей социальной системы. Стремление к росту к конкурентоспособности неразрывно связано с уровнем социальных запросов как на микроуровне личности, так и на макроуровне общества в целом. Этот показатель сложно зафиксировать статистически (хотя косвенно его можно отслеживать по структуре и динамике потребления), но есть достаточно эффективные социологические инструменты, которые позволяют вести мониторинг этого сценария.

Сценарий третий. Сочетание двух разных по содержанию, но схожих по интенсивности процессов – высоких показателей рождаемости и ускоренной урбанизации – в свою очередь, создают условия для реализации третьего сценария, который не является чем-то уникальным, характерным именно для Казахстана. Миграционный отток наиболее конкурентоспособной, активной и адаптивной части молодежи – это проблема очень многих стран. Но, в Казахстане этот процесс дополнительно стимулируется целым

рядом факторов. Эти факторы, рассматриваемые отдельно от обозначенной проблемы, могут оцениваться как с негативной, так и с позитивной позиции:

1) Быстрая концентрация большого числа молодежи в нескольких крупных городах. Происходи стремительное изменение не только численности городского населения, но и возрастной структуры – города «молодеют», а сельская местность неминуемо «стареет». Действующие государственные программы, призванные вернуть получившую в городах образование молодежь в село, не дают желаемого эффекта.

2) Острое отставание городской инфраструктуры и городской экономики (число рабочих мест, привлекательных для молодежи, возможности карьерного роста). В городах и пригородах интенсивно формируются социально неблагополучные районы, где зачастую отсутствуют элементарные условия для жизни и развития.

3) Сосуществование различных моделей ценностей, которые условно можно обозначить как «модернизационные» и «традиционные», что порождает внутреннюю социальную напряженность, способную перерастать в открытые конфликты.

4) Низкий уровень доверия социальным институтам, государственным структурам в сочетании с сильными патерналистскими настроениями.

5) Исторически короткий период урбанизации не достаточен для формирования зрелого гражданского общества, способного отрефлексировать общественные интересы и проблемы и принять организованное участие в их решении.

6) Открытость, экономическая и культурная интегрированность современного глобального мира, информационная насыщенность социального пространства.

7) Полиязычие, свойственное большому числу современной казахстанской молодежи.

8) Благоприятная внешнеполитическая конъюнктура, статус Казахстана как миролюбивого государства, не представляющего угрозы. Это отношение трансформируется в доброжелательное восприятие казахстанцев за рубежом.

Вероятно, названные выше факторы – это далеко не все усло-

вия, которые так или иначе способствуют формированию внешних миграционных настроений среди современной казахстанской (в значительной степени, казахской) молодежи.

Фактически, можно говорить о двух формах миграционной активности: внутренняя, имеющая четко выраженный урбанизационный вектор, и внешняя, которая реализуется как уже привычная для многих учебная миграция. Опыт, приобретаемый при переезде в город из сельской местности, позволяет молодежи рассчитывать на успешность следующего шага – продолжения образования за пределами Казахстана. Пройдя первые стадии городской социализации и столкнувшись со все возрастающей конкуренцией, которую далеко не всегда удается смягчить с помощью традиционных инструментов в виде родственных или клановых связей, наиболее активная часть молодежи проектирует новый вариант достижения успеха: получить образование за рубежом, достичь более высокого профессионального и материального статуса, а затем вернуться на родину «на белом коне» победителя. То есть, в качестве внешней миграционной установки сейчас превалирует возвратная миграция, но будет ли она реализована на практике зависит от условий, которые Казахстан сможет предложить этой продвинутой молодежи. Высоки риски того, что сумевшие добиться успеха в других странах, а значит действительно конкурентоспособные представители нашей молодежи, предпочтут остаться на более развитых территориях. Результат: казахстанские человеческие ресурсы все-таки трансформируются в человеческий капитал, но социальные и экономические дивиденды от этого получат другие страны. Отслеживать реализацию этого сценария можно на основе статистических данных о миграции.

Описанные сценарии были поименованы как «первый», «второй» и «третий», но реализовываться они могут и, скорее всего, будут одновременно, тем самым усиливая негативную синергию своего воздействия. Элементы этих сценариев актуальны уже сегодня, их игнорирование чревато перерастанием рисков в реальные угрозы демографической и национальной безопасности Казахстана.

Столярова Э.О., Аубакирова Ж.С., Алексеенко А.Н.

РЕПРОДУКТИВНЫЕ И МИГРАЦИОННЫЕ УСТАНОВКИ СОВРЕМЕННОЙ КАЗАХСТАНСКОЙ МОЛОДЕЖИ

СБОРНИК МЕТОДИЧЕСКИХ И АНАЛИТИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

в рамках реализации грантового
научного проекта AP08856205
«Оценка уровня демографической безопасности
Республики Казахстан»,
финансируемого Комитетом науки МОН РК

Ответственный за выпуск: В.П. Алексеева
Дизайн обложки: А.А. Набокина
Верстка: А.А. Набокина

Подписано в печать 08.12.2021 г.
Формат 60*84/16
Усл.–печ. 10,0
Уч.–изд. л. 10,7
Тираж 200
Заказ 493
Цена договорная

Издательство «Медиа–Альянс» 070005,
г. Усть–Каменогорск, пр. Абая, 181/3
Отпечатано в типографии ТОО «Медиа–Альянс»